

ОПЫТ ТЕОРИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАЦИЙ

Глава из психофонетики

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XX томе издаваемых Краковской академией наук «Rozprawę Wydziału filologicznego», 1894, стр. 219—364 я опубликовал большую работу — «Próba teorji alternacyj fonetycznych», вышедшую также отдельным отиском. В соответствии с существующим порядком я должен был, кроме того, передать Академии краткое, написанное по-немецки или по-французски, резюме для «Anzeiger'a» (respective «Bulletin»). Но поскольку мне представлялось необходимым сделать доступными для коллег, не владеющих польским языком, как подробности изложения, так и ход моих доказательств, и в особенности составленные мною формулы, то я вынужден был значительно превысить максимальный объем такого резюме и дать вместо краткого реферата подробную немецкую обработку того же самого материала. Несмотря на это, моя рукопись была безоговорочно принята в начале июля 1894 г. редакцией «Anzeiger'a», по ее предложению завершена и тщательно проверена мною при любезном участии господина канд. маг. Ст. Ропнецкого; затем почти половина сочинения была снабжена пагинацией и заголовками «Anzeiger'a», а моя немецкая орфография изменена и приближена к орфографии «Anzeiger'a». Но вдруг в конце октября мне сообщили, что работу такого большого объема невозможно напечатать в «Anzeiger'e» (отдельный номер которого ни при каких условиях не может превышать четырех печатных листов и стоит всего лишь 40 крейцеров). И в самом деле, для сочинения, которое потребовало такого большого труда, «Anzeiger» — неподходящее место. Поэтому я решился издать его отдельной книжкой, хотя это было сопряжено с утомительной, занимающей много времени и мало-полезной работой по превращению реферативного стиля в стиль научного изложения, замене третьего лица первым, выражения «автор» словом «я», с разделением работы на отдельные главы и т. д. И все это я должен был проделать с уже готовым сочинением.

История возникновения этого сочинения объясняет и то, почему я беру свои примеры преимущественно из польского языка и привожу их чаще всего без перевода. Если бы я писал свой немецкий вариант совершенно независимо от польского издания и не был бы вынужден просто превратить резюме для «Anzeiger'a» в самостоятельную книжку, я подобрал бы больше примеров из разных языков. Но я полагаю, что и моих польских примеров вполне достаточно, и что каждый в состоянии будет проверить общие положения моей работы на любом другом языке.

Добавление к заглавию «Глава из психофонетики» звучит несколько претенциозно, но я хотел этим лишь показать, что признаю себя сторонником того направления в языковедении, которое во всех явлениях языка усматривает в первую очередь психический фактор. Начинаящему или не привыкшему к подобным объяснениям читателю я посоветовал бы читать эту книжку не с начала до конца без перерыва, а лучше в такой последовательности: после «Объяснения и определения некоторых специальных терминов» и «Объяснения знаков и сокращений» (стр. 271—272), сразу внимательно прочитать главу I (стр. 273—280), затем, пропустив главу II, перейти прямо к главе III (стр. 295) и после нее проработать одну за другой следующие четыре главы, IV—VII (стр. 301—324). После главы VII следует ознакомиться с «Введением» (стр. 266—271), затем с главой II (стр. 280—294) и, наконец, с главой VIII (стр. 324—347).

И. Б. де К.

Краков, январь 1895.

ВВЕДЕНИЕ

Я даю пока лишь только первую часть своей работы. Вторая часть должна содержать: 1) анализ условий, в которых возникают альтернации, 2) классификацию альтернаций как в момент их возникновения, так и 3) в их дальнейшем существовании, когда они удерживаются только путем традиции и социально-языкового общения, 4) указание на разные виды использования альтернантов в психически-языковых целях, 5) определение границ или пределов, которых могут достичь альтернации в их движении по различным направлениям, 6) анализ различных слоев альтернаций, 7) изложение корреспонденций (соответствий) альтернаций, то есть описание альтернаций, соответствующих друг другу в различных языках. Кроме того, я намереваюсь особо рассмотреть: 1) альтернации древнеиндийского языка, 2) те альтернации ариоевропейских (индогерманских) языков, которые обязаны своим происхождением общему ариоевропейскому состоянию, 3) альтернации, общие для всех славянских языков.

* * *

Этимологическое родство звуков языка было замечено еще с давних пор, приблизительно с того времени, когда начали серьезно заниматься грамматическими, а в особенности фонетическими вопросами.

Выше всего поднялись здесь индийские грамматисты, которые развили чрезвычайно тонкое учение, с одной стороны, о законах Sandhi, а с другой стороны — о Guna и Vrddhi. Но индийским грамматистам недоставало исторического чутья, поэтому они не могли понять ни постепенности развития, ни исторической последовательности, ни, наконец, хронологии вообще. Вследствие этого полученные ими результаты лежат, так сказать, в одной временной плоскости: у них все происходит одновременно, как если бы не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Отсюда и присущий их грамматическим правилам чисто механический характер: мы находим превосходные рецепты образования всевозможных грамматических форм, однако напрасно стали бы искать чисто научного объяснения способа возникновения этих форм.

Понятия Guna- и Vrddhi- перешли в европейскую грамматику под названием Ablaut, Lautsteigerung и др., и учение о звуковых изменениях ныне достигло высокой степени совершенства. Хотя европейские лингвисты очень сильно зависят от взглядов индийских грамматистов, они превосходят последних, во-первых, тем, что они ввели в свои исследования понятие хронологии и более или менее искусно его применяют, и, во-вторых, тем, что их выводы опираются на более широкую сравнительную основу, на материал многих языков не только исторически родственных, но и чуждых друг другу.

В свете новейшего учения о звуках отношение (связь) между двумя различными, но этимологически родственными звуками представляется совершенно обратным тому, что предполагалось прежде: то, что раньше считалось первоначальным, оказалось производным (вторичным) и наоборот. Особенно характерный пример изменения во взглядах дает устранение из числа научных понятий так называемого «повышения гласных» (Vokalsteigerung) и замена его отношением, которое состоит в ослаблении более сильного фонетического образования и в исчезновении известной его части (Ф. де Соссюр, Бругман, Остгоф, Хюбшман и многие другие).

Но даже в новейших языковедческих работах альтернатив как таковые затрагиваются лишь косвенно, так как на первом месте все еще стоит определение фонетических изменений и установление первичности или производности соответствующего звука языка в историческом плане. Более того, само понятие альтернативы или совместности (Nebeneinander) не принимается во внимание в достаточной мере. Одной из работ, более всего приближающихся к развитому в данном исследовании понятию

альтернации, поскольку она констатирует прежде всего сам факт альтернации, является, как мне кажется, «Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen von August Leskien. . .» (Leipzig, 1884).

Впрочем, выражение «альтернация», и именно в принятом мною значении, появляется иногда в современных языковедческих работах. Например, де Соссюр («Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes». Leipsick, 1879, стр. 12) говорит: «Италийские языки слишком уоднообразили глагольную флексию, чтобы можно было пытаться обнаружить в них альтернацию слабых и сильных форм».

К понятию альтернации, развитому в настоящей работе, я пришел уже более восемнадцати лет тому назад, а именно в то время, когда приступил к чтению лекций о некоторых отделах сравнительной грамматики и общего языковедения в Казанском университете и в тамошней духовной академии.

Обычная в лингвистических работах того времени трактовка фонетических различий, заключающаяся в неприменном выскивании «переходов» одного звука языка в другой, в установлении прежде всего звуковых законов и так далее, меня не удовлетворяла, так как я видел в этом, с одной стороны, недостаточный учет хронологии или последовательности исторических слоев, а с другой стороны, неточное формулирование самого факта. Таким фактом является в первую очередь совместность фонетически различных, но этимологически родственных звуков языка; и лишь после установления факта следует постараться обнаружить его причину.

Мои тогдашние взгляды в этой области я высказал или только вкратце наметил между прочим в «Подробной программе лекций в 1876—1877 уч. году» (стр. 88—91, 102), в «Подробной программе лекций в 1877—1878 уч. году» (Казань—Варшава, 1881, стр. 85, 86 — 88, 105 — 106, 145), («= 108 — 111, 115»), в работе «Из лекций по латинской фонетике» (Воронеж, 1893) и даже еще значительно раньше, в работе «Wechsel des *s* (*š*, *s*) mit *ch* in der polnischen Sprache» (Beiträge zur vergleichende Sprachforschung von Kuhn, VI, 221—222), где уже в 1868 г. чередование *s* || *ch* называется «усилением согласных, используемым для дифференцирования значения» («konsonantische Steigerung, welche zur Differenzierung der Bedeutung benutzt wird»). Мои понятия об этом предмете постепенно очищались и уточнялись. В своих русских лекциях я применял русское слово «чередование» (соответствующее приблизительно *Abwechslung*) для обозначения совместности фонетически различных, но этимологически все же родственных звуков в одном и том же языке. Один из моих казанских учеников, Н. Крушевский, который в своей работе «Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией» (Казань, 1879), подобрал имеющийся в «Ригведе» материал к учению об альтернациях, вызванных

влиянием ударения, приобрел ясный и самостоятельный взгляд на подобные фонетические явления и представил его в общих чертах во введении к своей магистерской диссертации «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма». (Отд. отт. из «Русского филологического вестника». Варшава, 1881), а также в немецкой обработке этого введения «Ueber die Lautabwechslung. Kazan, 1881»¹.

Крушевский развил «теорию» альтернатив значительно более философски, содержательнее и точнее, чем это сделал я сам, и главным образом именно вследствие строгого применения аналитического метода; но нельзя отрицать, что Крушевский просто придал иную, более совершенную форму тому, что он узнал от другого (это признавал и сам Крушевский, см. «Ueber die Lautabwechslung», стр. 1).

В предложенном Крушевским способе изложения теории альтернатив можно найти кое-какие недостатки. При всей строгости ума и несмотря на применение аналитического метода, Крушевский кое-что оставил без внимания, недостаточно точно определил границы между отдельными классами альтернатив, выдвинул такие характерные, по его мнению, признаки отдельных классов, которые никак не могли считаться характерными, и, напротив, не заметил других признаков, которые в качестве наиболее характерных для данного класса должны были быть упомянуты в первую очередь. При этом Крушевский допускал иногда логические ошибки. Однако все это не должно вызывать удивления ввиду новизны и сложности предмета, особенно если учесть, что общие выводы Крушевского опирались преимущественно на факты из ограниченной области фонетических изменений, вызванных палатализацией или «смягчением» согласных в русском языке.

Терминология Крушевского неудовлетворительна и не может быть сохранена в настоящее время. А в остальном оба упомянутых выше сочинения Крушевского, как его магистерская диссертация, так и брошюра «Ueber die Lautabwechslung», принадлежат тому времени, когда среди людей, занимавшихся в Казани лингвистикой, свирепствовала номенклатурная болезнь, настоящая мания изобретать совсем новые и необычные специальные термины. Крушевский в своих произведениях еще сумел соблюсти определенную меру в этом отношении. Чудовищных размеров достигла эта болезнь в моих собственных «Некоторых отделах „сравнительной грамматики“ славянских языков. Варшава, 1881» (См. также в «Русском филологическом вестнике», V, 265—344), где

¹ Ср. рецензию Бругмана («Literar. Centralblatt», 1882, № 12, стр. 401), где безусловно несправедливо утверждение, будто «под „звуковым чередованием“ (Lautabwechslung) автор понимает то, что обычно называют „звуковым переходом“ (Lautübergang) или „звуковым изменением“ (Lautwandel)».

такие специальные термины, как когеренты, гомогены, гетерогены, моногены и полигены, аморфность и вторичная гетерогенность морфем, аморфные коррелятивы, дивергенция и антропофоническая когеренция, подвижная корреляция и морфологическая коинциденция, коинцидентные коррелятивы, коэкзистентные коррелятивы и т. п., могут только затруднять чтение этого сочинения.

Но, несмотря на ужасающее количество вновь созданных специальных терминов, в этом сочинении можно найти здоровое зерно. Одним из наиболее значительных нововведений (которое, впрочем, для меня самого не представляло ничего нового, так как я развивал это уже несколько лет в своих лекциях) было указание на необходимость отличать альтернации, свойственные данному языку (собственноязычные), от иноязычных альтернаций. Определенную методологическую ценность имело также, во-первых, различение понятий «звук» и «фонема»²; во-вторых, объединение понятий «корень», «аффикс», «префикс», «окончание» и т. д. под одним общим названием «морфема»; в-третьих, установление различия между последовательным расчленением человеческой речи с антропофонической, или физиолого-акустической, точки зрения и с точки зрения морфолого-семасиологической; в-четвертых, различие основных (первичных) и производных (вторичных) членов альтернации.

Почти одновременно с этим сочинением появилась также другая моя работа — «Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка, читанных в 1880—1881 акад. году в имп. Казанском университете. Отд. отт. из „Филологических записок“. Воронеж, 1882», которая посвящена главным образом анализу дивергентов русского языка.

Известный ориенталист д-р В. Радлов (ныне член имп. Академии наук в С.-Петербурге) в своем сочинении «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türkssprachen. Abhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im September 1881» (Berlin, 1882), посвященном применению положений Крушевского к тюркским языкам, заменяет термин «звуковое чередование» («Lautabwechslung») термином «звук о в а я а л ь т е р н а ц и я» («Lautalternation»), альтернации первой категории

---

² Впрочем, под фонемой я понимал тогда нечто другое, чем понимаю теперь, а именно — я понимал фонему как ту сумму фонетических свойств, которая представляет собой неделимое единство при сравнениях, будь то в пределах одного и того же языка или нескольких родственных языков. Предложение употреблять название «фонема» в отличие от «звук а» исходит от Крушевского.

называет, как и я, звуковой дивергенцией, дивергенциями; альтернации второй категории, по моей теперешней терминологии — традиционные альтернации, называет звуковой компенсацией, компенсирующими звуками (не совсем точное выражение), и, наконец, распространяет названия «корреляция», «коррелятивы», как это и я теперь делаю, только лишь на альтернации третьей категории.

В недавно опубликованной книге Р. Брандта «Лекции по исторической грамматике русского языка, читанные Романом Брандтом. Выпуск I. Фонетика. Москва, 1892» мы находим также главу, названную «Чередование звуков». Но Брандт понимает под этим, по-видимому, нечто иное, чем понимал и понимаю я, так как он не выдвигает на первый план установление (констатацию) самого факта совместности; у него речь идет об объяснении фонетических изменений, которые он делит на «переходы» и «подстановки» в зависимости от того, происходят ли они сейчас или произошли в прошлом. Проф. Брандт совершенно прав, осуждая меня за массу вновь созданных мною в «Некоторых отделах сравнительной фонетики» специальных терминов. Однако это же самое обвинение касается и его самого. А именно, он изобрел, наверное, более ста совсем новых грамматических терминов, которые чрезвычайно затрудняют чтение его работ и которые перед моими терминами имеют только то преимущество, что они почерпнуты не из латинского языка, а из национального источника, из материала самого русского языка. Однако это очень сомнительное преимущество, так как латинский термин легко может быть понят всеми учеными Европы и Америки, без различия национальности, тогда как возникший под действием пурификаторских тенденций чисто национальный термин только увеличивает трудность взаимного понимания, что не может быть желательным, особенно в наше время, насквозь проникнутое межнациональными антипатиями.

Моя попытка представить теорию альтернантов, может быть, не найдет признания. Однако нельзя отрицать, что само понятие «альтернация» и «альтернанты» относится к огромному количеству фонетических фактов, так как ни в одном языке нет ни одного звука, который стоял бы в языке изолированно, не имея другого, альтернирующего с ним звука, так же как нет слова, к которому было бы неприменимо учение о звуковых альтернациях.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ

Ф о н е м а = единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка. С единым представлением

фонемы связывается (ассоциируется) некоторая сумма отдельных антропофонических представлений, которые являются, с одной стороны, артикуляционными представлениями, то есть представлениями совершенных или могущих быть совершенными физиологических артикуляционных работ, а с другой стороны, акустическими представлениями, то есть представлениями услышанных или могущих быть услышанными результатов этих физиологических работ.

Фонетика как целое охватывает все фонетические факты, как антропофонические, то есть факты, действующие на наши чувства — на осязание (при физиологических работах), на слух (при звуках, вызванных этими работами), так и психофонетические, в которых рефлектируются (отражаются) антропофонические, чувственные факты. Поэтому фонетика распадается на две части: антропофоническую и психофонетическую.

Морфема = любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения (то есть с точки зрения самостоятельной психической жизни). Это понятие охватывает, следовательно, корень (radix), все возможные аффиксы, как суффиксы, префиксы, окончания, служащие показателями синтаксических отношений, и так далее.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВ И СОКРАЩЕНИИ

= ... равенство в математическом смысле,

| ... совместно; нечто сосуществует с другим.

|| ... символ альтернативы или совместности, символ одноязычного соответствия, символ этимологического родства в границах одного и того же языка.

≠ ... символ корреспонденции, символ межъязыкового соответствия, символ этимологического родства в разных языках.

⇒ ... символ перехода, символ изменения; то, что стоит по левую сторону этого символа, перешло в то, что стоит по правую сторону символа.

⊆ ... противоположный символ, символ возникновения того, что стоит по левую сторону этого знака, из того, что стоит по правую сторону знака.

> < ... символ отсутствия всякой связи с той или иной точки зрения.

∥ ... символ параллелизма.

* ... предполагаемая, реконструированная форма.

« » ... отрицаемая, невозможная или вымысленная форма.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАЦИИ И АЛЬТЕРНАНТОВ.

Выведение понятия альтернации
этимологическим и фонетическим путем.
Первоначальная причина всякой альтернации

В каждом языке, у каждого говорящего индивида мы замечаем частичное фонетическое различие этимологически идентичных морфем. Иными словами: в каждом языке, у каждого говорящего индивида мы констатируем различие соответствующих друг другу фонетических точек или частей этимологически родственных морфем. Так, например, в польских словах *mog-ę* | *moż-esz* мы имеем две этимологически родственных морфемы *mog-* и *moż-*, в которых фонемы *m* и *o* одинаковы, а третьи фонемы, *g* и *ż*, фонетически между собой различаются. И именно такие фонемы, фонетически различные, но входящие в состав этимологически родственных, то есть идентичных по происхождению, морфем и стоящие в фонетической структуре этих морфем на одном и том же месте (в данном случае, например, на 3-м месте), мы называем альтернантами, а их взаимное отношение друг к другу — альтернативой.

Так, мы констатируем в корневых морфемах польских слов *mróz* | *mroz-u* две явные альтернации: *u (ó) || o* и *-s (-z) || -z-*. На соединении корневой и формальной морфемы в польских *řłac-i-ć* | *řlac-ę* мы имеем явную альтернацию: *ći || c*. В главных морфемах немецких *lad-en* | *Las-t*, *Ver-lus-t* | *ver-lor-en*, *Fros-t* | *frigr-en*, *geb-en* | *gab...* мы можем констатировать следующие явные альтернации: 1) *d || s*, *ā || ā*, 2) *s || r*, *ŷ || ō*, 3) *s || r*, *ō || i (ie)*, 4) *g || g,*, *e || a*, *-b || -p (b)*.

Строго говоря, во всех подобных случаях альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами. Итак, с точки зрения свойственной языку психической жизни альтернируют между собой целые морфемы и их соединения: польск. *mog-* || *moż-*, *mrus* || *mroz-*, *řłac-i* || *řlac-*; нем. *lād-* || *lās-*, *lūs-* || *lōr-*, *frōs-* || *frīr-*, *g,eb-* || *gar...* Такое фонетическое различие морфологически родственных морфем мы называем их фонетической альтернативой. (Наряду с этим существует также семасиологическая, или смысловая, альтернатива морфем и целых слов). Но фонетическая альтернатива целых морфем распадается на альтернации отдельных фонем, как фонетических компонентов этих морфем.

Если применить это понятие к фонемам, то фонетическими альтернантами, или альтернирующими и фонемами, будут называться фонемы или звуки,

которые, различаясь между собой фонетически, указывают, однако, на общее историческое происхождение или являются этимологически родственными.

Другими словами: фонетическими альтернативами, или альтернирующими фонемами, называются те фонемы или звуки, которые, хотя и произносятся различно, но могут быть тем не менее отнесены к общему историческому источнику, то есть исторически происходят из одной и той же фонемы.

ВЫВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАЦИИ И ФОНЕТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАНТОВ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ ПУТЕМ

Семасиологически доминирующие морфемы следующих славянских слов: польск. *prozi-ę* | чешск. *pras-e* | великорус. *pręś-ópak* (поросенок) | малорус. *poroś-á* (пороса) | серб. *prās-ác* (праца) | крайно-словен. *pras-...* этимологически родственны, так как они могут быть возведены к общему историческому источнику **pors-*. Но этот общий исторический источник **pors-* может быть сопоставлен с этимологически родственными морфемами других ариоевропейских языков: слав. **pors-* | лит. *paš-as* | лат. *porc-us* | герм. **farh-*. Так же слав. **vez-* {польск. *wiezi-e* | чешск. *vez-e* | великорус. *véž-ót* (вез-ет) | малорус. *vez-é* (вез-е) | серб. *vèz-e...*} ≠ лит. *vež* ≠ герм. **vig-* ≠ лат. *veh-* ≠ греч. *ῥεχ-* ≠ др.-инд. *vah-* и др.

Все подобные сопоставления и сравнения морфем и содержащих эти морфемы слов из разных языков основываются на признании этимологического родства этих морфем. А этимологическое родство морфем опирается на установление (констатацию), с одной стороны, их семасиологического (смыслового) сходства, а с другой стороны, их частичного фонетического сходства.

Устанавливаемое (констатируемое) в таких случаях фонетическое сходство не может быть ни случайным, ни произвольным, а должно повторяться в целом ряде морфем, которые хотя бы частично состоят из тех же фонем. Так, например, на признание этимологического родства главных морфем названных выше слов из разных славянских языков *prozi-ę*|*pras-e*|*poroś-a* ... дает нам право прежде всего их семасиологическое сходство (они означают «поросенок», «кабан», «свинья» ...), а затем, с фонетической стороны, повторение совершенно одинаковых соответствий в целом ряде слов (*p*; *s* с различными нюансами; *ro* ≠ *ra* ≠ *oro...*). Точно так же этимологическое сопоставление морфем разных языков из области ариоевропейских языков вообще (например: **pors-* ≠ *paš-* ≠ *porkz-* ≠ *farh-...*, **vez-* ≠ *vež-* ≠ **vig-* ≠ *veh-* ≠ *ῥεχ-* ≠ *vah-...*) опирается, с одной стороны, на их

семасиологическое сходство и связь, а с другой стороны, на их фонетические соответствия, регулярно повторяющиеся в целом ряде этимологически родственных слов ($p \neq p \neq p \neq f \dots$, $s \neq \acute{s} \neq k \neq h \dots$, $or \neq ar \neq or \neq ar \dots$, $v \neq v \neq v \neq v$ (F) $\dots$, $e \neq e \neq i \neq e \neq e$ (ϵ) $\neq a \dots$, $z \neq \acute{z} \neq g \neq h \neq \chi \neq h \dots$).

На основании подобных сопоставлений и сравнений мы говорим: польское *ro*, например, соответствует чешскому и южнославянскому *ra* и русскому *oro*; все эти сочетания из разных славянских языков приводят нас к праславянскому сочетанию *or*; все эти славянские сочетания, так же как и предполагаемое на основе их сопоставления праславянское сочетание *or*, имеют корреспондентов в других ариоевропейских языках: в балтийском (литовско-латышском) и в германском *ar*, в латинском *or* $\dots$; славянское *s* соответствует литовскому $\acute{s}$, германскому *h*, латинскому *k* и так далее.

Однако было бы ошибочно приписывать подобному историко-фонетическому выводу абсолютную значимость. Этимологически родственны в различных языках не фонемы, независимо от морфем, а лишь морфемы как простейшие семасиологические частицы слова, далее не делимые и обладающие к тому же самостоятельной психической жизнью. Следовательно, говоря о родстве слав. *z* с лит. $\acute{z}$, герм. *g*, лат. *h*, греч. χ , др. инд. *h*, мы мыслим не абсолютное родство этих фонем в полной независимости от морфем, в которых они встречаются, а только лишь относительное родство этих фонем в определенной группе морфем (*vez-*, *liz-ač*, *zim-a.* $\dots$). В таких словах, как *zab*, *zn-ač*, *ziagno.* $\dots$, фонеме *z* родственны другие фонемы в других ариоевропейских языках. Так же слав. *s* $\neq$ лит. *s* $\neq$ гер. *h* $\neq$ лат. и греч. *k* $\neq$ др.-инд. $\acute{s}$ в **pors-ę* (*prosi-ę*) и т. п., но не **sedmī*, *sebe*, *sŷn-*, *bos.* $\dots$

Во всяком случае, все этимологические сопоставления и сравнения слов, принадлежащих разным языкам, основаны на признании этимологического родства морфем, входящих в их состав. А этимологическое родство морфем состоит в этимологическом родстве отдельных фонем и их сочетаний.

Этот вид этимологического родства, т. е. родства, имеющего место в разных языках, мы называем корреспонденцией, или межъязыковым соответствием. Но наряду с этим родством и этим соответствием мы имеем еще внутриязыковое соответствие, этимологическое родство в пределах одного и того же языка. Если были признаны этимологически родственными различные, но сходные морфемы, принадлежащие разным языкам {*pros-* | *pras-* | *poros-* | **pors-*} | *parš* | *rogk-* | *farh-*, то мы тем более вправе признать этимологически родственными такие морфемы, встречающиеся в одном и том же языке, например: *mog-* | *mož-*, *rod-* | *rut-*, *mroz-* | *mrus*, *plot-* | *pleš.* $\dots$ Этот вид этимологического родства, этимологическое родство в пределах

одного и того же языка, мы называем альтернативой; альтернативой вообще, а если она относится специально к фонетическому строению морфем — фонетической альтернативой.

При альтернативе как внутриязыковом этимологическом родстве мы имеем тех же самых носителей языка, те же самые микрокосмы в качестве основы языковой жизни. Межъязыковое этимологическое родство, или корреспонденция (соответствие), основывается именно на различности языковой основы, на этнологической различности носителей языка, точнее говоря, — на различности носителей отдельных членов корреспондентной связи.

Как при корреспонденциях, так и при альтернативах соответствие, совпадение и различие морфем сводятся к соответствию, совпадению и различию фонем, входящих в их состав [mog- || mož- распадается на *m* || *m*, *o* || *o*, *g* || *ž*; mgoz- || mguz- распадается на *mr* || *mr*, *o* || *u*, *z* || *s*...]. Корреспонденции, как и альтернативы, основываются на том, что морфемы, — безразлично, корреспондирующие или альтернирующие друг с другом, — происходят из одного и того же исторического источника.

Сделанное при описании корреспонденций замечание о том, что корреспондируют, собственно говоря, не отдельные фонемы, а лишь морфемы, и что корреспонденция фонем может быть признана лишь постольку, поскольку эти фонемы составляют часть определенной группы или определенного типа морфем (например, не всякое слав. *o* соответствует лат. *o*, а только *o* определенного рода), — это замечание полностью применимо также и к альтернативам. Так, например, не всякое *ž* польского языка альтернирует с *g*, но только то *ž*, которое входит в состав морфем, с которыми альтернируют морфемы, содержащие *g*. Но если корреспонденция фонем зависит исключительно от корреспонденции морфем, то при альтернативах, напротив, мы можем констатировать чисто фонетические разветвления фонемы, совершенно не зависящие от их принадлежности к составу той или другой морфемы. Таковы названные мною общефонетические дивергенты. Так, например, польские $i_2(y) || i_1(i)$ в сочетаниях *py, by, my, ty, dy...*, *cy, dzy, sy, ry...*, *czy, dży, szy, ży...* | *pi, bi, mi...*, *ci, dzi, si, zi...*, *ki, gi, chi...*, *ji* не зависят от семасиологического значения этих звуковых сочетаний. Так же польск. $e_2 || e_1$ (*pe, be...* | *p'e b'e...*), $s || ś$ (*st, sp...* | *śc, śp...*) $ę || en || em || en || eń$ (*ęś, ęz, ęś, ęż, ęch* | *ęt, ęd, ęc, ędz* | *еп, еб* | *ек, ег* | *еć, едź...*).

ВЫВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ АЛЬТЕРНАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКИМ ПУТЕМ

Почти во всех работах, посвященных рассмотрению фонетических вопросов, мы находим рассуждения о «переходе» одних звуков в другие, о «превращениях» (или «изменениях») одних

звуков в другие и т. п. Так, например, в польских грамматиках мы читаем о переходе *k* в *cz* в словах *piecz-e*, *ra^z-ka...*, как будто бы от *piek-e*, *reka...* *e* в *q* в словах *ma^z*, *da^b...*, как будто бы от *mez-a*, *debu...*

Подобное формулирование этих отношений ошибочно. Тот, кто применяет его, смешивает произвольное субъективное экспериментирование с объективно совершающимися историческими процессами.

Действительно, при произвольном экспериментировании мы можем перейти от одного какого-то звука к другому, субституируя по мере надобности соответствующие действия органов речи. Так, например, легче всего перейти от *b* к *m*, открыв лишь носовую полость посредством опускания мягкого неба, причем деятельность других органов речи совершенно не меняется. Так же можно перейти, например, от «твердого» (не палатального) *p* к «мягкому» (палатальному) *p'*, от *o* к *u*, от *e* к *o* и так далее. Таким образом, меняя каждый раз только один признак, мы можем постепенно перейти от *p* к *a* почти через все остальные звуки:

p—p'—b'—b—m—n—d—z—ž—š—s—x(ch)—k—g—g'—γ'(h')—
[—j]—i—e—o—u—y—a.

Что мы, собственно, делаем при этом? Мы постепенно меняем группы фонетических представлений и производим, то есть совершаем соответствующие этим представлениям физиологические работы. Но нам нет нужды стеснять себя постепенным изменением каждый раз одного фонетического представления. Мы можем, например, вслед за произнесением *p* представить себе деятельность речевых органов, сопровождающую произношение *a*, и затем, присоединив к этому стремление (тенденцию) к выполнению, к производству воображаемых работ, это *a* действительно произнести. И тогда мы имеем право сказать: «*p* перешло в *a*».

Что же произошло при этом? Здесь имело место замещение одной группы фонетических представлений другой группой, а воспроизведение одной группы вслед за другой дает нам известное право сказать: «*p* перешло в *a*», «*x* перешло в *y*». В действительности же только в голове экспериментатора последовали друг за другом разнообразные, меняющиеся, как в калейдоскопе, ассоциации представлений. Произнесение звуков одного за другим в соответствии с этими группами представлений сопровождало эти последние только случайно и уж во всяком случае не обязательно. Следовательно, здесь не одно произношение перешло в другое, а лишь один мыслимый образ сменился другим.

В объективно рассматриваемом и возникшем путем исторического развития языке такие звуковые изменения — чистая фикция, не говоря уже о чередованиях вроде «перехода» *k* в *cz*, *g* в *ž*, *e* в *q*... Не существует ни звуковых измене-

ний, ни звуковых законов, и их не может быть хотя бы по той простой причине, что человеческий язык вообще и звуки языка в особенности не имеют и не могут иметь непрерывной длительности. Произнесенное слово или произнесенное предложение исчезает тотчас же, как только оно было произнесено. Между одним и другим, следующим за первым, произнесением нет никакой физической связи. Связующим звеном между отдельными произносительными актами, будь то определенный звук, или фонетическое слово, или, наконец, целая фонетическая (то есть слышимая и воспринимаемая ухом) речь, являются представления, образы памяти, и во время самого произнесения эти образы памяти становятся стимулом, побуждением к тому, чтобы соответствующим образом привести в движение органы речи.

При этом возможны два случая: либо физиологические условия, заключающиеся в деятельности участвующих в произнесении органов, позволяют полностью произвести предполагаемую мозговым центром группу фонационных работ, либо названные физиологические условия этого не позволяют. В одном случае имеет место полное согласие [напр.: *za, ra, ar, ła* ... польск. *mesz, jabłek* ..., *rodu, mrozu, męża, woda* .]; в другом же случае — коллизия между фонетическим намерением (целью) [напр., *zta* со звонким *z* и односложно, польск. *rtęć* с обычно звонким *r*, *atr, ła, mchu, piekł, jabłko* ..., *rud, (ród)* с *-d*, *mruz (mróz)* с *-z*, *maż* с *ż*, *wud-ka (wódka)* с *-d*] и его осуществлением. В этом последнем случае, в случае коллизии, наши фонетические привычки, как и общечеловеческие условия фонетических связей, вынуждают нас несколько изменять произношение предполагаемых сочетаний, а именно: *sta* (с *s* вместо *z*), *rtęć, at* (с глухим и ослабленным в своем качестве *r*), *ła, mchu, piekł, jabłko* ..., *gut* (с ослабленным *t*), *mrus, maś, wut-ka* ...

Более того, даже в *snót, matka* ... мы никак не можем произнести такое чистое, независимое *t*, как в *snota, matek* ..., и, благодаря имеющимся фонетическим связям и условиям, мы субституируем вместо него иначе произнесенное, ослабленное, зависящее от влияния следующих звуков *t*.

Напротив, мы отлично можем произнести предполагавшиеся «*pieke*» вместо *piecze* или «*rakek*», «*račka*» вместо *raček, račka*, и при этом не будет никакого «перехода» *k* в *cz*.

Несоответствие между фонетическим намерением и его выполнением основано на подстановке (субституции) возможной деятельности вместо предполагавшейся, но невозможной.

Такая субституция может быть двойкой: 1) либо исполнение намерения, опирающегося на родственные слова и формы, невозможно, и тогда происходит подстановка такой возможной фонемы, которая, с точки зрения фонетического родства, более всего приближается к предполагавшейся (примеры ниже); 2) либо

это субституция при подражании чужому произношению, то есть — если хотят повторить то, что говорят другие. Эта последняя встречается: а) в речи детей и вообще при подражании в пределах «своего» языка; б) при заимствовании иностранных слов, произношение которых мы по необходимости приспособляем (аккомодируем) к своим собственным фонетическим навыкам [напр., франц. *sur* поляки часто произносят *śur* (*siur*)].

Во всех этих случаях изменение или «переход» основан на том, что исполнение не соответствует намерению.

При рассмотрении альтернатив и альтернантов применяется только первый вид субституции (№ 1).

Такая субституция, то есть подстановка доступного произношения вместо предполагавшегося, но недоступного, образует единственное возможное в настоящее время, в современном состоянии языка, строго фонетическое изменение, единственный фонетический «переход». То же, что обычно называют фонетическим «изменением», «переходом» одного звука в другой, есть, с объективной точки зрения, только совместность или альтернатива.

Такая совместность или такая альтернатива не является ни единовременным фонетическим изменением, ни последовательностью в историческом ряду. Она является всего лишь фактом фонетического различия между этимологически идентифицируемыми морфемами. Но причина этого остается пока загадочной.

Если ныне, например в словах *piecze*, *raćzka*, и других, *ć* (*cz*) выводится из *k*, то мы вправе спросить, почему в *piekę*, *reka*, наоборот, *k* не возводят к *cz*. Правда, мы констатируем сложную альтернативу

$$\begin{array}{c}
 c \parallel k(g) \\
 \parallel \\
 \acute{c}
 \end{array}
 \begin{array}{l}
 \text{в } \textit{piec}, \textit{siec}, \textit{m\acute{o}c}, \textit{str\acute{z}ec} \mid \textit{ciek-}\acute{e}, \textit{siek-}\acute{e}, \textit{mog-}\acute{e}, \textit{strzeg-}\acute{e}, \\
 \textit{by-}\acute{e}, \textit{da-}\acute{e} \dots;
 \end{array}$$

но было бы, однако, признаком несовершенства мысли и исторической ошибкой на основании этого утверждать, что *c* в *piec*, *m\acute{o}c* ... возникло из *k\acute{e}* (или *g\acute{e}*).

Одним словом: фонетическое изменение звуков, как его понимают обычно, является чистой фикцией, заблуждением; существуют только:

1) субституции возможных действий вместо предполагавшихся, несоответствия или коллизии между фонетическими выполнениями и фонетическими намерениями и, кроме того,

2) готовые фонетические различия или альтернации исторического происхождения, альтернации морфем и их фонетических компонентов или фонем.

Оба эти факта тесно связаны между собой. Живая, динамическая субституция обуславливает зарождающуюся, первоначальную фонетическую альтернацию; альтернации же, которые ныне существуют как будто бы без причины, можно возвести к субституциям прошлого.

ПРИЧИНЫ АЛЬТЕРНАЦИЙ

Если рассматривать язык какого-либо языкового сообщества в его временной последовательности как нечто продолжающееся и непрерывное, то окажется, что первоначальное побуждение (импульс) к возникновению альтернации имеет всегда чисто фонетическую или чисто антропофоническую природу. Если же дело касается смешанного языкового сообщества, то мы должны выразиться точнее: первое побуждение было, вероятно, всегда антропофоническим по природе, но оно могло возникнуть: 1) или, чаще всего, в недрах самого данного языкового сообщества, 2) или, намного реже, в недрах родственного языкового сообщества, у которого данное языковое сообщество заимствовало либо альтернацию целиком, либо только отдельный ее член.

Первоначальная причина альтернации либо действует еще в наблюдаемом, исследуемом состоянии языка, либо она действовала только в прошлом и может быть обнаружена только путем предположений и исторических гипотез.

Глава II

КЛАССИФИКАЦИЯ АЛЬТЕРНАЦИЙ И АЛЬТЕРНАНТОВ

I. КЛАССИФИКАЦИЯ АЛЬТЕРНАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРИЧИННОСТИ

Общей сложной причиной возникновения и существования альтернаций следует считать общественную жизнь, а также физическую (анатоμο-физиологическую) и психическую организацию индивидов, входящих в состав языкового сообщества.

1. Классификация альтернаций с точки зрения возможности определить в настоящее время их антропофоническую причинность.

Все без исключения альтернации либо являются результатом живых антропофонических тенденций и выработанных, постоянно повторяющихся антропофонических привычек, либо не являются таковыми. С этой точки зрения все альтернации распадаются на два больших класса:

- 1) неофонетические,
- 2) не-неофонетические, или палеофонетические, альтернации.

Альтернаты первого рода мы называем дивергентами, а их взаимное отношение — дивергенцией; альтернаты второго рода — не-дивергентами, а их взаимное отношение — не-дивергенцией.

2. Классификация альтернаций с точки зрения возможности показать их психическую причинность.

Все без исключения альтернации либо ассоциируются (соединяются) с представлениями определенных психических нюансов (оттенков), будь то семасиологических или смысловых, будь то морфологических или относящихся к структуре языка. либо не ассоциируются. На этом различии основывается деление альтернантов на

- 1) психофонетические альтернаты, или коррелятивы,
- 2) не-психофонетические альтернаты, или некоррелятивы.

Взаимное отношение коррелятивов называется корреляцией, взаимное отношение некоррелятивов называется некорреляцией.

3. Классификация альтернаций с точки зрения возможности определить их традиционную и вообще социальную причинность.

Все альтернации либо существуют в силу повторения и подражания, а следовательно также путем передачи из поколения в поколение, либо они возникают у индивидов независимо от этого фактора.

Само собой разумеется, что все палеофонетические альтернации, пока они еще могут считаться альтернациями, удерживаются только путем передачи по наследству от одних членов языкового сообщества к другим его членам (традиции). Следовательно, причинность таких альтернаций коренится в социальной жизни.

Дивергенции, или неофонетические альтернации, возникают и удерживаются независимо от передачи по наследству и от языкового общения, хотя есть и такие дивергенции, у которых связь с условиями, от которых они зависят, поддерживается именно фактором передачи по наследству и языкового общения.

Наконец, каждый индивид получает корреляции, или психофонетические альтернации, прежде всего путем передачи по наследству и языкового общения, но, связав их окончательно с определенными психическими различиями, он освобождает их от влияния этого социального фактора.

4. Классификация альтернаций с точки зрения того, находится ли их источник в самом данном языке или в каком-либо другом.

Все альтернации либо имеют источник в непрерывном историческом существовании данного языка, либо они возникли путем заимствования из другого, близко родственного языка. Другими словами: современная или прежняя причина возникновения некоторых альтернантов кроется либо в жизни самого данного языкового сообщества, либо в его отношениях с родственными языковыми сообществами или литературами.

Дивергенции могут иметь источник всегда лишь в данном языке, так как их различие зависит от произношения тех же самых индивидов. Для традиционных и даже для психофонетических альтернаций (корреляций) возможно, наоборот, иноязычное происхождение [польск. $h \parallel z$ в $bla\dot{h}y \mid bla\dot{z}en$ чешского происхождения; русск. $er \parallel ra$ в $в\ смер\ деть \mid смрад$ церковнославянского происхождения].

С точки зрения современного состояния данного языка, само собой разумеется, все альтернации являются внутренними, свойственными самому данному языку. Иноязычными они могут считаться только в том случае, если речь идет об их происхождении.

Альтернации иноязычного происхождения могут быть: а) либо полностью иноязычными, б) либо только наполовину [напр., польск. $g \parallel h$ в $gardzi\acute{c} \mid hardy$, $gani\acute{c} \mid ha\acute{n}ba$; русск. $olo \mid la$ в $голова \mid глава$].

Учитывая их происхождение, альтернации первого рода могут быть названы иноязычными одноязычными, альтернации второго рода — иноязычно-природными двуязычными.

5. Классификация альтернаций с точки зрения различия между индивидуальной и социальной причинностью.

Дивергенции и корреляции имеют индивидуальную или в крайнем случае коллективно-индивидуальную причинность, традиционные же, или палеофонетические, альтернации — исключительно социальную причинность.

Дивергенции имеют индивидуальные или коллективно-индивидуальные причины антропофонического происхождения.

Корреляции имеют индивидуальные или коллективно-индивидуальные причины психического происхождения.

Если внутриязыковые традиционные альтернативы должны объясняться причинами из области социальной жизни, то иноязычным альтернативам во время их возникновения тем более должна быть приписана социальная причинность; при этом данный социальный фактор охватывает не одно, а два языковых сообщества.

6. Классификация альтернатив с точки зрения простоты или сложности свойственной им причинности.

а) Все альтернативы могут иметь либо одну, либо две причины.

Только одну причину имеют:

дивергенции, которые не поддерживаются традицией, традиционные альтернативы, которые не являются ни дивергенциями, ни корреляциями.

Две причины одновременно могут иметь:

дивергенции, которые зависят не только от антрофонических условий, но и от языкового общения, то есть те дивергенции, которые образуют переходную стадию от дивергенций в строгом смысле слова к традиционным альтернативам;

традиционные альтернативы, которые одновременно являются корреляциями, или психофонетическими альтернативами.

Невозможно соединение дивергенционной, или нефонетической причинности, с корреляционной, или психофонетической.

Перемещение причин или изменение причинности в исторической последовательности встречается:

при переходе дивергенций в состояние традиционных альтернатив,

при переходе иноязычных альтернатив в категорию традиционных альтернатив.

при переходе корреляций в состояние традиционных альтернатив.

б) При некоторых альтернативах причинность должна быть или простой, или сложной.

Только одну причину должны иметь:

чистые дивергенции, или чисто нефонетические альтернативы, свободные от влияния традиции и языкового общения в целом,

чисто традиционные альтернативы.

Двумя причинами должны объясняться корреляции, зависящие, с одной стороны, от традиции, а с другой стороны — от индивидуально развитой психофонетической связи.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ АЛЬТЕРНАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТОЛКНОВЕНИЯ ИЛИ КОЛЛИЗИИ РАЗЛИЧНЫХ СТРЕМЛЕНИЙ (ТЕНДЕНЦИЙ)

1. Коллизия традиции с индивидуальными потребностями и стремлениями.

Такая коллизия обязательна при тех традиционных альтернативах, которые не являются одновременно корреляциями. При корреляциях же такая коллизия невозможна.

В природе вещей заложено то, что готовые дивергенции исключают всякую возможность коллизии между индивидуальными потребностями и стремлениями с одной стороны и традицией с другой стороны.

Однако во время зарождения дивергенции такая коллизия имеет место, и окончательное укрепление данной дивергенции является как раз бессознательно одержанной победой индивидуальных стремлений в области языковой периферии над традицией и над фактором языкового общения в целом.

Но возможны такие дивергенции, при которых индивидуальные тенденции не только не противоречат традиции, что обычно само собой разумеется, но, наоборот, поддерживаются ею (напр., $s \parallel ś$ в польск. *kostka* | *kość*). Это — переходное состояние от дивергенции в строгом смысле слова к традиционной альтернативе, которая со временем становится поводом к только что упомянутой коллизии.

В области традиционных альтернатив традиция поддерживает сложность явлений и обременяет память, тогда как индивидуальные стремления упрощают сложное и облегчают работу памяти.

В противоположность этому, при возникновении дивергентов традиция дает простоту и единство, индивидуальные же стремления вызывают ранее неизвестные различия.

Наконец, при коррелятивах традиция и индивидуальные стремления идут рука об руку, между ними царит полное согласие, полная гармония.

2. Коллизия стремлений индивидуальных антропофонических или периферически-фонетических со стремлениями индивидуальными центрально-психическими обязательно должна происходить при дивергентах, различие которых состоит в том, что один из них развивается вследствие невозможности выполнения фонетического намерения. При других же видах альтернатив не может быть речи о подобной коллизии.

III. КЛАССИФИКАЦИЯ АЛЬТЕРНАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ГЕНЕЗИСА, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ УДАЛЕННОСТИ ОТ ИСТОЧНИКА,

причем, строго говоря, принимаются во внимание и рассматриваются не только ясные и четкие, но и зарождающиеся (эмбриональные) альтернативы, с одной стороны, и прежние альтернативы — с другой стороны. В соответствии с этим следует различать альтернативы: а) зарождающиеся, б) живые, в) угасшие.

1. Классификация альтернатив с точки зрения их удаленности от источника антропофонической причинности.

Здесь различают следующие стадии развития альтернатив:

а) зарождающиеся, возникающие на почве индивидуальных стремлений,

б) развивающиеся не только индивидуально, но и социально,

в) развившиеся,

г) укрепившиеся,

д) устранимые и постепенно исчезающие, альтернативы переходного состояния,

е) угасшие, устраненные альтернативы.

Стадии в) и г) сохраняются главным образом путем традиции и социального общения в целом; стадии д) и е) возникают вследствие столкновения индивидуальных и социальных стремлений, причем первые одерживают верх.

Стадии а) и б) являются дивергенциями, или неофонетическими альтернативами; в), г) и д) — традиционными или психофонетическими альтернативами, причем как разновидности стадии г) появляются корреляции или психофонетические альтернативы. Наконец, стадия е) может быть подведена под понятие альтернативы только с точки зрения прошлого, так как сама по себе она не обладает признаками, необходимыми для того, чтобы признать данное фонетическое различие альтернативой.

2. Классификация альтернатив с точки зрения их удаленности от источника психической причинности.

Здесь мы различаем следующие стадии:

а) альтернативы, только начинающие появляться, альтернативы, которые показывают нам начало использования (утилизации) палеофонетических альтернатив для оттенения психических различий, альтернативы с зачатками психофонетических ассоциаций; этот процесс соединения (ассоциации) представлений должен осуществляться отдельно у каждого индивида, принадлежащего к данному языковому сообществу;

б) укрепившиеся, то есть ясные и четкие альтернативы;

в) находящиеся в состоянии устранения и постепенно исчезающие альтернативы;

г) устраненные альтернации.

Три последние стадии — б), в) и г) — альтернации проходят при совместном действии обоих факторов, а именно — индивидуальных стремлений и социальной жизни.

3. Классификация альтернаций с точки зрения их удаленности от источника, коренящегося во влиянии родственного языка.

Здесь различаются следующие стадии:

а) сам процесс заимствования иноязычных альтернаций отдельными индивидами данного языкового сообщества;

б) полное усвоение с удалением от собственного источника, совершающееся как индивидуально, так и путем общественных сношений;

в) окончательное укрепление иноязычных альтернаций в соответствующем языке и передача их путем традиции и общественных сношений в целом.

Уже укрепившиеся альтернации этой категории подлежат в дальнейшем тем же изменениям (превращениям) и исчезают так же, как и альтернации обеих других категорий, названных выше, то есть рассматривавшихся с точки зрения их удаленности от источника антропофонической или психической причинности — категории (III. 1 и III. 2).

В связи с этой группой классификаций (III. 1—3) можно отметить такие поворотные пункты в истории языка, которые констатируются в области альтернаций точно так же, как и в других сферах языковой жизни. Видимым признаком всякого такого изменения в истории языка для нас каждый раз оказывается новая группировка фонетических представлений и периферийных работ (то есть работ внешних речевых органов) вместе с акустическими результатами этих работ, более или менее отличающимися от прежних.

Попытаемся выразить в формулах изменения, ведущие к развитию по крайней мере некоторых видов альтернаций:

1) Формула для антропофонических изменений (которые должны рассматриваться как дающие начало неофонетическим альтернантам или дивергентам; затем палеофонетическим или традиционным как потомкам первых) выглядит следующим образом:

$$x + n\varphi,$$

где x обозначает некую прафонему,

φ — любое историко-фонетическое изменение в определенном направлении,

n — коэффициент этого изменения, показывающий степень изменения в границах от 0 до 1.

n всегда бывает дробью, изменяющейся в границах от 0 до 1:

$$\text{если } n = 0,$$

$$\text{то } n\varphi = 0,$$

$$x + n\varphi = x.$$

Это значит, что никакого изменения нет.

Если $n = 1$,

то $n\varphi = \varphi$,

следовательно, $x + n\varphi = x + \varphi$.

Это значит, что изменение, идущее в определенном направлении, достигло крайней границы или предела своего постепенного роста и идти далее в том же направлении не может.

Между 0 и 1 для величины n , между 0 и φ для величины $n\varphi$, между x и $x + \varphi$ для величины $x + n\varphi$ возможно бесконечное число переходных состояний, которые показывают постепенное усиление и рост данного изменения.

Чтобы перейти от понятия простого фонетического изменения к понятию расщепления фонемы, образующему основу всякой альтернации, следует вместо простой величины субституировать величину двойную: вместо φ мы подставляем φ' , φ'' , которые обозначают фонетические изменения в различных направлениях, следовательно — качественно разные величины.

Для облегчения ориентировки мы обозначаем коэффициент n при φ' через n' , коэффициент n при φ'' через n'' .

Тогда само собой вытекает расщепление x :

$$\begin{aligned} x + n'\varphi' &= x' \\ &\text{с пределами } x \dots X', \\ x + n''\varphi'' &= x'' \\ &\text{с пределами } x \dots X''. \end{aligned}$$

Таким образом, мы имеем готовую альтернацию:

$$\begin{aligned} \{x + n'\varphi'\} \parallel \{x + n''\varphi''\} &= x' \parallel x'' \\ &\text{с пределами: } x \parallel x = x, \\ &\quad X' \parallel x, x \parallel X'', \\ &\quad X' \parallel X''. \end{aligned}$$

Само собой разумеется, то, что относилось в общем к n и $n\varphi$, полностью применимо также к n' , n'' и $n'\varphi'$, $n''\varphi''$.

Соответственно значениям, которые мы придаем коэффициенту n в том или другом случае, мы получаем целый ряд значений для $n'\varphi'$ и $n''\varphi''$, а следовательно, также для $x + n'\varphi'$ и для $x + n''\varphi''$, или для x' и для x'' , в следующих пределах:

$$\begin{aligned} n' &= 0, & n'\varphi' &= 0, & x' &= x, \\ n'' &= 0, & n''\varphi'' &= 0, & x'' &= x, \\ & & x' \parallel x'' &= x \parallel x = x, \end{aligned}$$

то есть альтернационное изменение еще не началось или самое большее — лишь зарождается.

$$\begin{aligned} n' &= 1, & n'\varphi' &= \varphi', & x + n'\varphi' &= x + \varphi' = X', \\ n'' &= 0, & n''\varphi'' &= 0, & x + n''\varphi'' &= x, \\ & & x' \parallel x'' &= X' \parallel x, \end{aligned}$$

то есть один член альтернации уже достиг в направлении данного изменения крайнего предела своего развития, другой же член равен неизменной прафонеме.

То же самое можно перевернуть, субституируя $n' \varphi' x'$ вместо $n'' \varphi'' x''$ и $n'' \varphi'' x''$ вместо $n' \varphi' x'$.

Наконец,

$$\begin{aligned} n' &= 1, & n' \varphi' &= \varphi', & x + n' \varphi' &= x + \varphi' = X', \\ n'' &= 1, & n'' \varphi'' &= \varphi'', & x + n'' \varphi'' &= x + \varphi'' = X'', \\ x' & \parallel x'' &= X' & \parallel X'', \end{aligned}$$

то есть оба члена альтернации достигли крайнего предела в направлении свойственных им антропофонических изменений.

2) Если при некоторых фонетических изменениях мы примем во внимание психическое затруднение, то наша общая формула получит следующий вид:

$$x + (n\varphi - m\psi),$$

где ψ означает психическое затруднение,

m — число случаев или групп случаев, на которые распространяется влияние этого затруднения. Это m , в отличие от n , является не дробью, а целым числом в границах от 0 до M .

3) Формула, которая выражает психические изменения, ведущие к использованию традиционных альтернантов для развития коррелятивов, могла бы принять следующий вид:

$$[X' \parallel X''] m\psi,$$

где $X' \parallel X''$ означает разившуюся и укрепившуюся традиционную альтернацию,

ψ — определенное психическое отношение между морфемами и словами, в которых встречается эта альтернация,

m — коэффициент этого отношения, который выражает большую или меньшую силу его, большее или меньшее напряжение.

Постановка выражения $m\psi$ за скобками [ ] ни в коем случае не означает математического умножения альтернации, символ которой стоит в скобках, а лишь возможность использования этой альтернации для выражения психического оттенка, обозначенного посредством $m\psi$.

Упомянутое выше выражение $[X' \parallel X''] m\psi$ далеко не так устойчиво и определено, как выражения, представляющие скелеты формул из области альтернаций антропофонического происхождения $x + n\varphi$, $\{x + n'\varphi'\} \parallel \{x + n''\varphi''\} = x' \parallel x''$, так как большую роль при этом в каждом языковом сообществе играют индивидуальные различия. Каждый индивид должен самостоятельно придти к окраске альтернации $X' \parallel X''$ психическим оттенком $m\psi$.

Поэтому мы встречаем не столько градацию, сколько постоянные колебания, которые, однако, в определенных условиях социального общения и на определенной ступени языкового развития индивидов, принадлежащих к данному языковому сообществу, редуцируются до минимума. Во всяком случае, m в приведенной формуле имеет подвижную значимость в границах от 0 . . M , где M обозначает максимум силы, максимум психического напряжения.

Если $m = 0$, то естественно, что $m\psi = 0$, а все выражение $\{X' \parallel X''\}m\psi = X' \parallel X''$.

IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАНТОВ И АЛЬТЕРНАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА

Фонемы, образующие альтернирующие пары, всегда должны быть этимологически родственными, то есть они должны происходить из единой прафонемы, но это родство может быть двоякого рода:

а) или эти фонемы альтернируют в этимологически родственных, следовательно альтернирующих морфемах (напр., $g \parallel \check{z}$ в польск. *mog-* | *moż-* и мн. др.);

б) или фонемы альтернируют как компоненты целых групп морфем с определенным соразмерным фонетическим строением (напр., польск. $i(y) \parallel e$ в глаголах *wy-cin-a*, *wy-żup-a*, *na-gin-a* | *roz-bier-a*, *wy-cier-a*, *po-żer-a* . . .; польск. $e \parallel o$ в *piek-ę*, *ciek-ę*, *strzeg-ę*, *grzeb-ę* | *bior-ę*, *wiod-ę*, *nios-ę*, *plot-ę* . . .; лат. $i \parallel e$ в *col-lig-o*, *con-tin-et*, *ab-ig-it*, *af-fic-it* . . . | *con-fer-o*, *at-ter-it*, *im-per-at* . . .; гот. $i \parallel e[r]$ . . .).

С точки зрения степени этимологического родства альтернирующих фонем, оба этих вида альтернатив различаются только количественно, но ни в коем случае не качественно. Морфологическое родство морфем, то есть родство, опирающееся на их принадлежность к морфологическим категориям, находящимся в определенных взаимоотношениях, является просто результатом обобщения. Но это обобщение основано на сопоставлении целого ряда морфем, которые не только стоят в определенном морфологическом отношении друг к другу, но и родственны этимологически. Так, например, сопоставление в польском

во-первых,	<i>ciek-</i> <i>ciecz-</i>
	<i>strzeg-</i> <i>strzeż-</i>
	<i>grzeb-</i> <i>grzeb'-</i> . . .,

во-вторых,	<i>bior-</i> <i>bierz-</i>
	<i>wiod-</i> <i>wieź-</i>
	<i>nios-</i> <i>nieś-</i>
	<i>plot-</i> <i>pleć-</i>

в-третьих,	ciek-, ciesz-	tok-, tocz-	
	strzeg-, strzeż-		strog-, stroż-
	grzeb-, grzeb'-		grob-, grob'-

наконец, в-четвертых,	bior-, bierz-	bor-, borz-	
	wiod-, wiedź-		wod-, wodź-
	nios-, nieś-		nos-, noś-
	plot-, pleć-		plot-, płoć-

приводит нас к альтернации, которая может рассматриваться как абстракция от всех этих случаев, а именно к приведенной

выше альтернации $o \parallel e$ в	piek-	bior-	
	ciek-		wiod-
	strzeg-		nios-
	grzeb-		plot-

В новейших историко-фонетических открытиях в области арио-европейских языков, открытиях, столь счастливо сделанных Бругманом и де Соссюром, сопоставление морфем с точки зрения их морфологического, или формального, родства, а следовательно, установление альтернатив фонем именно такого рода, как $e \parallel o$ в *piek-. . .-bior-. . .* оказалось в высшей степени плодотворным.

В тесной связи с различием двух видов альтернатив относительно степени родства альтернирующих фонем находится определение различных направлений, в которых проявляется морфологическая ассимиляция морфем, то есть их уподобление, совершающееся по психическим причинам. Существуют прежде всего два направления:

- а) ассимиляция на основе этимологического родства,
- б) ассимиляция на основе морфологического, или структурного, родства.

V. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАЦИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОСТОТЫ ИЛИ СЛОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЙ

1. Р а з л и ч и е э к в и в а л е н т н ы х и н е э к в и в а л е н т н ы х ф о н е м .

Если одна фонема этимологически соответствует одной фонеме, а две фонемы — двум другим фонемам, то мы имеем простое отношение.

Если же одной фонеме соответствуют две или более других фонем, то мы имеем альтернацию неэквивалентных фонем. В сущности говоря, такая же альтернация образуется альтернаци-

ей определенной фонемы с нулем или с отсутствием всякой фонемы.

Наконец, существуют случаи, когда мы должны сопоставлять определенную фонему не с другой целой фонемой и не с двумя или более целыми фонемами, а лишь с частью другой фонемы или с целой фонемой плюс часть другой соседней фонемы.

Все эти случаи мы получаем из формулы:

$$x' \parallel \left\{ \frac{p}{s} z + nx'' \right\},$$

подставляя для p и n различные значения.

При этом:

x' означает один из альтернантов,

$\frac{p}{s} z + nx''$ — другой альтернант,

x' , x'' , z — целую фонему,

$\frac{p}{s}$, n — коэффициенты целых фонем,

n — целое число: 0, 1, 2, 3...

$\frac{p}{s}$ — обыкновенная дробь в границах от 0 до 1,

s — число, которое показывает, на сколько частей или простых артикуляций разлагается фонема z ; другими словами, число, которое выражает сумму частей или свойств фонемы z , рассматриваемых как неделимые единства,

p — целое число, изменяющееся в границах от 0 до s .

Теперь, подставив:

1) $p=0$, $n=1$,

получим простейшую альтернацию:

$$x' \parallel x''$$

(напр., польск. $k \parallel \check{c}$, $g \parallel \check{z}$ ...);

2) $p=0$, $n=2, 3...$,

$$x' \parallel \left\{ \frac{p}{s} z + nx'' \right\} = \begin{cases} x' \parallel 2x'' \\ x' \parallel 3x'' \\ \dots \end{cases}$$

(напр., польск. $c \parallel \acute{c}i$, $dz \parallel d\acute{z}i$ ...);

3) $p=0, n=0,$

$$x' \parallel \left\{ \frac{p}{s} z + nx'' \right\} = x' \parallel 0$$

(напр., польск. $e \parallel 0$ в $sen | sn-u \dots$);

4) $p=1, n=1$

$$x' \parallel \left\{ \frac{p}{s} z + nx'' \right\} = x' \parallel \frac{1}{s} z + x''$$

(напр., польск. $o \parallel 'e$ в $tok- \parallel siek- \dots$).

Для абсолютной точности следовало бы обеим сторонам формулы придать одинаковый вид, а именно:

$$\left\{ \frac{p'}{s'} z' + n' x' \right\} \parallel \left\{ \frac{p''}{s''} z'' + n'' x'' \right\},$$

заметив при этом, что отдельные члены выражений можно также переставить. Тогда мы получим следующие четыре возможности:

$$\left\{ \frac{p'}{s'} z' + n' x' \right\} \parallel \left\{ \frac{p''}{s''} z'' + n'' x'' \right\} \quad (1)$$

$$\left\{ n' x' + \frac{p'}{s'} z' \right\} \parallel \left\{ \frac{p''}{s''} z'' + n'' x'' \right\} \quad (2)$$

$$\left\{ n' x' + \frac{p'}{s'} z' \right\} \parallel \left\{ n'' x'' + \frac{p''}{s''} z'' \right\} \quad (3)$$

$$\left\{ \frac{p'}{s'} z' + n' x' \right\} \parallel \left\{ n'' x'' + \frac{p''}{s''} z'' \right\}. \quad (4)$$

Тогда, приняв для случая (2)

$$n' = 1, p' = s', n'' = 1, p'' = s'',$$

мы получим:

$$\{x' + z'\} \parallel \{z'' + x''\}$$

(напр., польск. $ar \parallel ro$ в $wartki | wrot-a \dots$). Если в случае (1)

$$p' = 1, n' = 1, p'' = 0, n'' = 0,$$

то

$$\left\{ \frac{1}{s'} z' + x' \right\} \parallel 0$$

(напр., польск. $'e \parallel o$ в $bierz-e | br-ać$).

2. Классификация альтернатив с учетом количества их членов.

Обычно имеется только два альтернанта в каждой альтернативе, как в отношении, рассматриваемом с точки зрения единой причинности. Однако существуют, хотя и довольно редко, случаи, когда в состав альтернативы, освещенной одной единственной причиной, одним единственным антропофоническим стремлением (тенденцией), на разных ступенях его манифестации (проявления) входят три и даже четыре фонемы. Здесь можно упомянуть, между прочим, великорусскую дивергенцию гласных в зависимости от ударения: [ó || ǎ || ŷ (ə) в gód-, gód-a | gǎd-ǎ | gŷd-ǎvó], róŷ-gŷd-a . . .].

3. Классификация альтернатив с точки зрения простоты или сложности морфем, содержащих альтернирующие фонемы.

Ряд морфем, объединенных ассоциацией по смежности, противопоставляется одной единственной морфеме, то есть либо мы остаемся в границах отдельных морфем, либо должны принимать во внимание и сравнивать фонемы, находящиеся в двух граничащих друг с другом морфемах.

Примеры первого рода уже приводились в большом количестве выше; в качестве примера второго рода можно назвать польскую альтернативу *ci || c, dzi || dz* в *płac-i | płac-ę, rodz-i | rodz-ę*.

4. Классификация альтернатив с точки зрения противоположности между морфемами, свойственными одному слову, и этимологической связью морфем, находящихся в разных словах.

Все приведенные выше альтернативы имели место в морфемах, принадлежащих одному слову. Но если мы захотим найти фонему или сочетание фонем, альтернирующих, например, с конечным с польского *cięc*, мы должны будем прибегнуть к помощи сопоставления двух морфем, которые никогда не выступают в соединении друг с другом. Это морфемы: 1) *cięc-*, 2) *-ć* инфинитива:

$$\begin{array}{l} \text{cięc-} \parallel \text{cięc-} \\ \parallel \quad \quad \quad \text{-ć.} \end{array}$$

Таким образом, мы получаем альтернативу:

$$\begin{array}{l} \parallel \text{к-} \\ \text{с} \parallel \quad \quad \quad \text{-ć.} \end{array}$$

Следовательно, мы различаем два вида альтернатив и альтернатив:

а) простые, которые получаются путем сравнения сочетаний фонем, целиком входящих в состав одного слова (напр., польск. $\{d\acute{z}i \parallel dz\} \leftarrow \{d\acute{i} \parallel d\acute{i}\}$);

б) сложные, в которых, по крайней мере с одной стороны, должны быть поставлены фонемы, свойственные двум особым словам

$$\left(\text{напр., } c \begin{array}{l} \parallel k- \\ \parallel -\acute{c} \end{array} \text{ в } \begin{array}{l} \text{ciek-} \\ \parallel -\acute{c} \end{array} \begin{array}{l} \parallel \text{ciek-} \\ \parallel -\acute{c} \end{array} \text{ и др.} \right).$$

5. Противопоставление простых альтернатив, простых альтернативных пар альтернативам альтернатив или альтернативам альтернативных отношений.

Простые альтернативы здесь не требуют более подробных объяснений. В качестве примера альтернативы альтернатив можно привести польское:

$$\begin{array}{l} \{t \parallel \acute{c}\} \parallel \{k \parallel \acute{c}\} \\ \text{в } \{\text{plot-}\acute{e} \parallel \text{pleci-}\acute{e}\} \parallel \{\text{piek-}\acute{e} \parallel \text{piecz-}\acute{e}\}, \\ \{e \parallel e\} \parallel \{o \parallel e\} \\ \underline{\text{в } \{\text{piek-}\acute{e} \parallel \text{piecz-}\acute{e}\}} \parallel \left\{ \begin{array}{l} \text{nios-}\acute{e} \parallel \text{niesi-}\acute{e} \\ \text{plot-}\acute{e} \parallel \text{pleci-}\acute{e} \end{array} \right\}, \\ \left\{ c \begin{array}{l} \parallel k \\ \parallel \acute{c} \end{array} \right\} \parallel \{ \acute{c} \parallel \acute{c} \} \\ \text{в } \left\{ \begin{array}{l} \text{iec} \parallel \text{ciek-} \\ \parallel \text{-}\acute{c} \end{array} \right\} \parallel \left\{ \begin{array}{l} \text{by-}\acute{c} \parallel \text{by-} \\ \parallel \text{-}\acute{c} \end{array} \right\}. \end{array}$$

Альтернативы альтернатив или альтернативы альтернативных отношений опираются на альтернативное отношение морфем, родственных только формально или структурно.

Можно было бы выдвинуть еще намного больше оснований для классификации альтернативных явлений. Но я ограничусь пока представленными в этой главе и перейду к более обстоятельному анализу хотя бы некоторых классов альтернатив.

АЛЬТЕРНАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
АНТРОПОФОНИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ.

Анализ различных классов и их характерные признаки.
Дивергенции

Как видно из сказанного выше, в каждом языке существуют разновидности первоначально единой фонемы, возникающие на чисто антропофонической почве, независимо от их принадлежности к составу определенных морфем или категорий морфем. Так, например, первоначальная фонема *k* в польском расщепилась на *k*, *k'*, *č* (*cz*), *s*. Особым, психически ограниченным случаем таких чисто фонетических расщеплений является расщепление фонемы в этимологически родственных морфемах, например расщепление *k* на *k*, *č*, *s* в морфемах *wilk-*, *wilč-*, *wilc-* (*wilk*, *wilczyško*, *wilcy*).

В обоих случаях происходит или произошло расщепление того, что образует (или образовывало) психическое единство. Но та или иная фонема, рассматриваемая независимо от наделенных значением морфем, образует нечто единое только как фонетическое представление, только как образ памяти, тогда как психическое единство фонемы, рассматриваемой как компонент морфемы, подчеркивается также этимологической связью морфем.

При этом следует учитывать одно очень важное обстоятельство: выводы о том, что различные в настоящее время фонемы, — просто разные, без видимого повода к такому различию, — когда-то были одной фонемой, могут быть сделаны только при помощи этимологии, то есть путем этимологических сопоставлений и сравнений — будь то в пределах одного и того же языка (альтернации), будь то в пределах двух или более языков (корреспонденции). Если мы не можем обнаружить ни альтернации, ни корреспонденции, то мы не имеем права выводить одну фонему из другой.

О расщеплении определенной фонемы на несколько фонем независимо от этимологической связи морфем, содержащих эти фонемы, мы можем говорить только тогда, когда факторы, обуславливающие это расщепление, действуют на наших глазах, если в них еще пульсирует жизнь, если их можно, так сказать, застигнуть *in flagranti*.

Неофонетические влияния действуют совершенно независимо от этимологической связи. Следовательно, мы можем сопоставлять одинаковые в намерении, но разные в исполнении фонемы или звуки совершенно независимо от какой-либо этимологической связи.

Сюда относится, например, расщепление польских «носовых гласных» в зависимости от их окружения на *e*, *a* | *eɲ* (*en*), *aɲ*

(on) | *et* (em), *om* (om) | *eñ* (eñ), *oñ* (oñ) | *eñ* (eñ), *oñ* (oñ) | *e*, *o*. Это относится также к др.-инд. *anusvāra*.

Великорусские гласные *a*, *e*, *o*, особенно *a* и *e*, имеют различный оттенок в зависимости от природы последующего согласного (*мат*, *мел*, *закон*... *мать*, *мель*, *конь*...).

Нововерхненемецкое *s* звучит различно в зависимости от его положения и соседства, и т. д. и т. д.

Такое расщепление психически единой фонемы на две или более, происходящее на наших глазах, мы можем назвать *дивергенцией*, и в этом случае она будет *чисто антропофонической*, *чисто фонетической*, то есть *дивергенцией* *самим* фонем, независимо от их принадлежности к составу родственной морфемы.

Если же такие дифференцирующие влияния имеют место в этимологически (то есть психически-исторически) родственных морфемах, то мы получаем *фонетически-этимологическую дивергенцию*, *неофонетическую альтернативу*, *исконную альтернативу морфем* и входящих в их состав фонем. Примеры:

польск. *s* || *ś* [kostka || kość, częśćka | część, piosnka [pieśń...];
польск. *n* || *ń* (глухое *ń*), *ł* || *ł̣* (глухое *ł̣*), *r* || *ṛ* (глухое *ṛ*)
[piesni | pieśń, jabłek | jabłko, wiatru | wiatr...];

польск. *i₂* (*y*) || *i₁* (*i*) [głowy, cnoty... | postaci, soli...];

польск. *-t-* || *-ṭ-* (слабое-*ṭ*) [cnota | cnot...];

» *eñ* (en) || *eñ* (eñ) [będę | będzie...];

великорус. *o* || *o_i*, *a* || *a_i*, *e* || *e_i* [воза | возит, баба | бабе, тот —
эти...];

великорус. *i₂* (*ы*) || *i₁* (*у*) [балы, дары... | короли, цари...];

великорус. *б* || *б̣* || *б̣̣* [бод, бба | годá, годово́й, пблгода...];

нововерхненем. *-b-* || *-p-*. [Grabe, Stabe... | Grab, Stab...];

» *x_a* (ch) || *x_i* (ch) [brach | bricht, Loch | Löcher...].

При чисто антропофонической дивергенции, как и при дивергенции альтернативной, может иметь место:

а) либо совершающаяся каждый раз субституция, необходимое приспособление (аккомодация) к условиям произношения,

б) либо, наряду с аккомодацией, также бессознательное воспроизведение памятью индивидуальных свойств данной антропофонической модификации психически единой фонемы.

В первом случае (а) перед нами факт несоответствия между антропофоническим исполнением и намерением, целью: мы хотим произнести определенную фонему со всеми ее свойствами, а между тем мы можем произнести только модификацию этой фонемы, подставляя вместо данных мыслимых свойств какие-то другие, возможные для исполнения.

Доказательства этому дает прежде всего орфография и затем частые споры о том, какой звук мы слышим в том или ином слу-

чае. У людей, умеющих писать, на слух может влиять также орфография.

Например, выражение «z произносится как s» до некоторой степени оправдано: z представляет здесь задуманную психическую единицу, s же — ее выполнение в области языковой периферии.

Примером второго случая (б), где наряду с аккомодацией и субституцией мы встречаем еще и бессознательное воспроизведение памятью индивидуальных свойств, могут служить польские *ś* в *kość, gość, pieśń, pieśni...*, *ś* в *śpi* (произносимое также *spi*).

Эти бессознательные воспроизведения памятью индивидуальных свойств, встречаясь в этимологически родственных морфемах, образуют переход от категории дивергентов к категории традиционных альтернантов.

Антропофоническое расщепление психически единой фонемы, независимо от того, свойственно ли оно чисто антропофоническим или альтернативным дивергентам, состоит

а) либо в развитии действительно различных свойств в одном члене альтернирующей пары, точнее говоря — в субституции одних свойств вместо других [*-t* || *-d*- в *rad* | *rada*, *-s* || *-z*- в *mróz* | *mrózu*, *r* || *r* в *wiatr* | *wiatru*, *m* || *m* в *mchu* | *mech...*],

б) либо только в ослаблении индивидуальности одного из членов альтернирующей пары.

С этой точки зрения следует отличать положения, благоприятствующие проявлению всех индивидуальных свойств данной фонемы, от положений, каким-то образом препятствующих этому.

Так, например, положение *t* в *ta, sta* благоприятствует проявлению его индивидуальных свойств, тогда как в *at* это проявление затруднено. Так же *r* в *ra, ryz*, *ar* в противоположность к *rda, rdza...*, *l* в *ligać* в противоположность к *lgnąć*; *m, m* в *mu, migać* в противоположность *mgła, mgnie...*

Причинность, свойственная какой-либо дивергенции, может быть или общечеловеческой, или только этнологической, то есть обусловленной местом и временем. Другими словами:

комбинаторно-антропофонические изменения, дающие первый повод к расщеплению фонемы, совершаются

1) или под влиянием постоянных, можно сказать — вечно действующих причин,

2) или под влиянием только преходящих, действующих только в определенное время причин, под влиянием условий, свойственных только данному языковому сообществу в определенный период его языковой жизни.

Если рассматривать эту группу преходящих причин с точки зрения некоторой строго определенной эпохи, то они будут действовать:

а) или сейчас, в настоящее время,

б) или только в прошлом по отношению к этой эпохе.

При чисто антропофонических дивергенциях, так же как и при дивергенциях альтернативных, следует различать:

1) фонетические привычки, каковой является, например, привычка начинать каждый слог с согласного, объясняющая нам между прочим так называемую «вставку согласного во избежание зияния» (hiatus),

2) аккомодацию для облегчения произношения.

Эта последняя:

а) либо является обязательной и неизбежной в естественном произношении (напр., дивергенция различных *t* в *ta | tr | tl | ts | tn | at | ant...*, альтернатива *d* в *dno | dep...*),

б) либо она редуцируется до слабых антропофонических стремлений, парализуемых «прогибительной аналогией», то есть стремлением к фонетическому выравниванию различных морфем, в которых чувствуется психическое единство.

ПРИЗНАКИ ДИВЕРГЕНЦИЙ

1) Первый и самый главный признак каждой дивергенции может быть сформулирован следующим образом: альтернирующие между собой свойства произношения не являются индивидуальными и независимыми свойствами антропофонических разновидностей (модификаций) данной фонемы, они лишь обусловлены комбинаторно, то есть зависят от соединения с другими фонемами и от условий антропофонического окружения вообще.

Обозначим:

изменяющуюся фонему через x ,

одну из ее модификаций » x' ,

другую модификацию » x'' ,

условия соединения вообще . . . y ,

фонетические условия, в которых появляется фонема x' как одна из модификаций фонемы x . . . y' ,

условия, в которых появляется фонема x'' как другая модификация фонемы x . . . y'' ,

и, наконец, зависимость . . . f ,

тогда названный признак мы можем выразить следующим способом:

$$x = f(y),$$

то есть x есть «функция» y , причем, разумеется, слово «функция» употребляется в математическом смысле, хотя, принимая во внимание различие самого предмета исследования, а также отсутствие континуальности, свойственной любой математической функциональной связи, мы можем употреблять здесь слово «функция» только *cum grano salis*, то есть с необходимыми оговорками.

Точнее эту зависимость x от y мы можем выразить так:

$$\text{или } x = f(y), \\ x' \dots y' \parallel x'' \dots y'',$$

$$\text{или также } x' \parallel x'' \\ [y'] \parallel [y''],$$

то есть фонема x' , зависящая от условий y' , альтернирует с фонемой x'' , зависящей от условий y'' .

Иначе: $x' \parallel x'' \nparallel y' \parallel y''$, то есть альтернация фонем x' , x'' , являющихся лишь модификациями фонемы x , идет параллельно альтернации фонетических условий y' , y'' , от которых зависят фонемы x' , x'' , как разновидности фонемы x .

Особый случай:

$$\text{либо } x' = x, y' = y, \\ \text{либо } x'' = x, y'' = y,$$

то есть эта фонема ($=x$) совсем не меняется, и антропофонические условия также остаются неизменными ($=y$), что и благоприятствует сохранению первоначальных свойств фонемы.

С этим первым характерным признаком дивергенции, или альтернации, наделенной антропофонической причинностью, тесно связаны два других признака:

2) непосредственная определенность и присутствие антропофонических причин альтернаций,

3) всеобщность и антропофоническая необходимость альтернаций.

То есть, такая альтернация

а) встречается во всех без исключения словах и фонетических сочетаниях данного языка, содержащих данные фонемы;

б) находится в причинной связи с альтернацией условий, антропофонических по природе:

$$x' \text{ тесно связан с } y', \\ x'' \text{ » » » } y''; \\ \text{соединения } x' \dots y'' \\ \text{или } x'' \dots y' \text{ невозможны.}$$

4. Подобная альтернация, то есть дивергенция, не зависит от психических (морфологических или семасиологических) вл и я н и й. Она имеет место не в синтаксически и морфологически расчлененных комплексах фонем, а только лишь в комплексах произнесенных, в области языковых периферий

5. Поскольку свойства фонем x' , x'' не являются их психически индивидуальными, мыслимыми, сохраняемыми в мозговом

центре особенностями, а являются лишь переменными величинами, зависящими только от условий произношения (y' , y''), и поскольку такая альтернатива не зависит от психических влияний, нет нужды запоминать эти антропофонические оттенки зависимой фонемы. Эти оттенки даются самими периферийными условиями произношения. Но тем самым вовсе не исключается возможность заметить и запомнить эти оттенки, и в таком случае запоминание становится переходным звеном к категории традиционных альтернатив.

Кроме того, в области дивергенций, или неофонетических альтернатив, следует различать еще разные степени и разновидности, а именно:

а) **з а р о ж д а ю щ и е с я а л ь т е р н а т и в ы**, которые обнаруживаются или только с помощью, так сказать, микроскопического исследования, или принимаются просто как постулат;

б) **а л ь т е р н а т и в ы**, **р е з у л ь т а т ы** **к о т о р ы** **х** **о п р е д е л я ю т с я** **б е з** **т р у д а**, но которые еще не воспринимаются бессознательно или в состоянии бесконечно малой осознанности и могут быть открыты только посредством усиления, напряжения осознания [напр., польск. $m \parallel t$ в *męch* | *tchu*, $r \parallel r$ в *Piotra*, *Piotr*, $t \parallel t$ в *kota* | *kot*; великорус. $a \parallel a$ в *брат* | *брате*]. Мы имеем здесь единство психического источника фонемы при ее чисто антропофоническом расщеплении;

в) **а л ь т е р н а т и в ы**, которые **в о с п р и н и м а ю т с я** **н е** **т о л ь к о** **с о з н а т е л ь н о**, но также и бессознательно, которые, следовательно, с одной стороны, связаны уже с расщеплением (раздвоением, бифуркацией) психического источника, а с другой стороны, уже поддерживаются традицией [напр., польск. $-b \parallel -p$ в *łba* | *łeb*, $p' (p_i) \parallel p$ в *kuriec* | *kurca*...; великорус. $t \parallel d$ в *сватать* | *свадьба*...].

При определении принадлежности данной альтернативы к классу «б» или к классу «в» нам могут служить критерием соответствующие факты языка и письменности [эти последние, разумеется, только в письменных языках и у индивидов, знакомых с письмом]. Так, напр., польское $b \parallel p$ в *łba* | *łeb* принадлежит к классу «в», так как имеется *łerek*; к тому же классу принадлежит великорус. $d \parallel t$ в *бúдок* | *бúдка* при *бúточник*, $t \parallel d$ в *свáтать* | *свáдьба*, так как *свáдебный*.

Польское написание *tchu*, *tchnąc* показывает, что $d \parallel t$ в *dech*, *oddech* | *tchu*, *tchnąc* также принадлежит к классу «в». Для польских детей, которые говорят *wruszek* (*wruszek*) вместо *wrużek* (*wrużek*) [gen. pl.], альтернатива $ż \parallel ś$ в *wróż-уc* | *wróż-ка* принадлежит также к классу «в»; собственно, в языке этих детей она еще не установилась.

Само собой разумеется, что между только что перечисленными тремя классами в каждом языке существует целый ряд переходных ступеней и осцилляций, или колебаний в ту или в другую сторону.

КОРРЕЛЯЦИИ, ИЛИ ПСИХОФОНЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАЦИИ

Корреляцией называется такое альтернативное отношение фонем, при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, то есть какое-нибудь морфологическое или семасиологическое различие.

Собственно говоря, альтернируют при этом не отдельные фонемы (звуки), а целые морфемы или даже слова.

На этой ступени развития альтернативных отношений однородные фонемы (то есть происшедшие из некогда единой фонемы), как подвижные коррелятивы, играют в морфологии такую же роль, как подвижные словообразующие морфемы (аффиксы), то есть префиксы, суффиксы, окончания и т. п. Они — эти подвижные коррелятивы — образуют здесь необходимо интегрируемую составную часть определенных подвижных однородных морфем. Как суффиксы, префиксы и т. п., так же и коррелятивы служат для различения морфологических категорий.

Например, в польском, как и в других славянских языках, определенный класс деноминативных глаголов еще в настоящее время образуется продуктивно — путем добавления суффикса *i* к первичной основе, конечный согласный которой должен иметь вид звука, исторически развившегося путем спонтанного перерождения согласного, испытавшего первую славянскую палатализацию (это касается, по крайней мере, заднеязычных *k*, *g*, *ch*): [brud- | brudź-i-ć, łup- | łup-i-ć, tok- | toć-y-ć, trwog- | trwoż-y-ć...].

Признаком локатива польских существительных является между прочим не только окончание *e*, но также и замена конечного согласного основы звуком, развившимся путем спонтанного перерождения из палатализованного согласного и восходящего своим «смягчением» ко второй славянской палатализации, что верно по крайней мере для заднеязычных *k*, *g*, *ch* [narodź-e, wol-e, boń-e, strać-e, ręc-e, wódc-e, nodz-e, strudz-e...]

Другие примеры:

в польском спряжении 1 л. ед. чис. *nios-e* (*nios-ę*), *plot-e*, *gn-e*, *biog-e*, *piek-e*, *mog-e*... | 3 л. ед. чис. *nieś-e*, *pleć-e*, *gń-e*, *bieř-e*, *pieć-e*, *moż-e*...;

так же в польском спряжении 3 л. ед. чис. [2 ед., 1—2 мн.] {*lub'i*, *mówi*, *woli*, *rańi*, *twoży*, *toży*, *trwoży*, *suży*,} *nośi*, *woźi*, *świeci*, *chodźi* | 1 ед. [3 мн.] {*lub'e*, *mów-e*, *wol-e*, *rań-e*, *twoř-e*, *toć-e*, *trwoż-e*, *suś-e*,} *noś-e*, *woż-e*, *świec-e*, *chodz-e*...

nośi-, *woźi-*, *świeci-*, *chodźi-* | *noś-enie*, *noś-ony*, *woż-enie*, *woż-ony*, *świec-enie*. *świec-ony*, *chodz-enie*, *chodz-ony*...;

простые глаголы, с одной стороны, durativa и iterativa, с другой стороны: правда, pali-ć, czyńi-ć, trudzi-ć, pal-a-ć, -czyń-a-ć, -trudz-a-ć..., но stroi-ć, toczy-ć, trwoży-ć, chodzi-ć, mnoży-ć | -mnaż-a-ć и gnieś-ć, pleś-ć, mieś-ć, leć-e-ć, siedź-e-ć | gniat-a-ć, plat-a-ć, miat-a-ć, lat-a-ć, siad-a-ć...;

То же глагольное отношение в великорусском: брос-á-ть | брас-ыва-ть, колб-ть | кáл-ыва-ть, стрби-ть | -стрб-ива-ть (стрá-ива-ть), прбчи-ть | -прбч-ива-ть, любí-ть || -любл-ива-ть, долбú-ть | дáлбл-ива-ть, ходú-ть | хáж-ива-ть, носú-ть | нáш-ива-ть, заподбзри-ть | заподбзр-ива-ть (заподáзр-ива-ть)...

Им. род. мн. чис. польских имен в соединении с окончанием -i (-y) имеет также конечный согласный, который возник путем спонтанного перерождения согласного, подвергшегося палатализации [при заднеязычных — палатализации второго периода] [chłop-i, kać-i..., siłn-i, mil-i..., wilc-y, ptac-y..., wielc-y, drudz-y..., szl-i, chodzil-i, dal-i...].

В определенном классе существительных м. и ср. рода новонемецкого языка множественное число образуется не только путем прибавления окончания -e или -er, но и путем превращения непалатального гласного основы в палатальный («Umlaut»): Wolf, Dorf, Grab, Loch, Wurm | Wölfe, Dörfer, Gräber, Löcher, Würmer...

Некоторые производные имена в древнеиндийском языке образуются одновременно путем присоединения суффикса -ya- и коррелятивного превращения простого гласного основной морфемы во вторую ступень его «повышевия» (vrddhi-): káunteya-, sāubhagya-, vāiryā, pārhava-... из kunti-, subhaga-, vīra-, pṛthivi-...

Как известно, определенный суффикс, или подчиненная морфема (суффикс, префикс), сообщает слову оттенок грубости, абстрактности и так далее. Подобные оттенки сообщаются слову также посредством определенного коррелятивного отношения морфем. Так, в польском корреляция $x(ch) || s$ в włoch-y, kluch-y | włos-y, klus-ki...; в русском $ra, la || oro, olo, šč, žd | č, ž$ в граждáнин | горожáнин, глává | голóвá, преврáцáть | ворбчáть..., во французском $k || š$ в cause | chose... [хотя в этом последнем случае едва ли может идти речь о действительной, живо ощущаемой говорящими корреляции].

Так называемая «градация основ» (Stammabstufung), свойственная как первоначальному ариоевропейскому состоянию, так и отдельным ариоевропейским языкам в ранней стадии их развития, тесно связана с коррелятивной альтернативой фонем, причем одним членом альтернирующей пары бывает обычно нуль фонемы, то есть полное ее отсутствие: $x=0$.

Эта «градация основ» может быть либо еще живой, подвижной, либо ее живость и подвижность находятся в стадии отмирания.

Сюда относятся также так называемые «инфиксы», особенно сильно развившиеся в семитских языках.

Доказательством живости коррелятивного отношения в области альтернатив служит возможность образования новых альтернативных пар, особенно в тех случаях, когда путем простых фонетических превращений не могло бы появиться ничего подобного. Так, корреляция $c \parallel \check{c}(cz)$, связанная с отношением польских уменьшительных и простых существительных, является вполне живой и подвижной, поскольку, развившись фонетически в тех словах, в которых как $\check{c}(cz)$, так и c возникли путем палатализации k в разные периоды языковой жизни, она переносится теперь на такие слова, в которых c обязано своим происхождением не k , а tj . В словах *donica, mied-nica, krynica, lica, słońce, kupiec* | *doniczka, miedniczka, kryniczka, liczka, słońeczko, kurczyk*... корреляция $c \parallel \check{c}(cz)$ возникла чисто фонетическим путем, совсем так, как корреляция $k \parallel \check{c}$, $g \parallel \check{z}$, $x(ch) \parallel \check{s}(cz)$ в *reka* | *raączka, noga* | *nóźka, mucha* | *muszka*... Но в такой коррелятивной паре, как *świeca* | *świeczka*..., корреляция $c \parallel \check{c}$ возникла путем морфологической ассимиляции («аналогии»).

Старый им. пад. мн. чис. польских личных местоимений *pasz-u, wasz-u* теперь заменен на *paś-i, waś-i*, так как согласный $\check{s}$ ощущается как характерный признак именно этого падежа от основ с конечными согласными $s, \check{s}(sz)$ или $x(ch)$: *paś* | *paś-i*...

Старая уменьшительная форма от польских *grosz, arkusz* звучала *groszyk, arkuszyk* (как и поныне в некоторых частях польской языковой области, например в Литве, на Украине и так далее); в настоящее время она заменена формами *arkuśik, grosiśk*..., с непосредственно палатальным $\check{s}$. (С этим можно сравнить «палатализацию» в детском языке, выражающую ласку и нежность.)

В древнеиндийском языке альтернативии гласных, объединенные общим понятием «*guṇa-*», в древние времена были большею частью коррелятивными, то есть морфологически подвижными: но в период, к которому относятся памятники индийской литературы, эта подвижность находилась по меньшей мере в стадии перехода к психической неподвижности чисто традиционных альтернантов. В противоположность этому так называемое *uṇ-dhī-* образовывало отношение живой, подвижной, переносимой корреляции.

Корреляции — это всегда не более чем переходная стадия от простых традиционных альтернатив к столь же простым традиционным альтернативам.

Корреляция возникает только вследствие использования альтернативных различий в психических целях, и это использование, хотя оно и может повторяться в ряде поколений, в конце концов прекращается, и одновременно с его прекра-

щением соответствующая психофонетическая альтерпация или корреляция должна стать обычной традиционной альтерпацией. Это общее положение мы поясним некоторыми примерами.

Например, польская альтерпация $O \parallel i$ ($n \parallel in$) в $pn-ę$, $pń-e \mid$ $pin-a$; $-čn-ę$, $-čń-e \mid -čyn-a$; $tn-ę$, $tń-e \mid -ćin-a...$ была ранее подвижной корреляцией, что доказывается прежде всего ее переносом на $gn-ę$, $gń-ę \mid$ $gin-a$; теперь же она находится по меньшей мере в состоянии перехода к полной психической неподвижности, подобно другим родственным ей альтерпациям [$čt-ę$, $čć-e \mid$ $čyt-a$, $sł-a-ć \mid$ $sył-a-ć$, $tk-a-ć \mid$ $tyk-a-ć$, $br-a-ć \mid$ $b'er-a-ć$].

К этой же категории рудиментарных психофонетических альтерпаций принадлежат польск. $o \parallel u$ ($ó$) в $chod-u$, $bor-u$, $stoł-u$, $grad-u \mid$ $chód$, $bór$, $stół$, $gród...$; 'ę, 'a $\parallel$ ę, a в $ęż-ki$, $ąż-a \mid$ $tęg-i$, $ws-tąż-ka$; $u \parallel o$ в $such-y \mid$ $sch-na-ć...$; н.-в.-н. $i(e) \parallel a$ в $bind-e \mid$ $band$, $ess-e \mid$ аф... $in \parallel un$ в $bind-e \mid$ $gebund-en...$

Мы вправе также предполагать, что даже польская альтерпация $o \parallel e$ в $biog-e$, $nios-e$, $wicz-e \mid$ $bierz-e$, $niesi-e$, $wiezi-e$ ощущалась некогда в связи с отношением форм, то есть, что она была корреляцией, хотя бы и исторически кратковременной.

Теперь, разумеется, здесь нет и следа коррелятивности, так как иначе было бы невозможно даже стремление к выравниванию основ (к униформизации основ) и к замене форм $biog-e$, $nios-e$, $wioz-e...$ на $bierz-e$, $nies-e$, $wiez-e$.

В истории языка встречаются также случаи, когда исчезновение определенной корреляции является лишь мнимым, на самом же деле она меняет только свой вид и подчиняется другой корреляции, включается в корреляцию более широкого объема.

Интересный пример такого превращения дает нам русский язык.

Альтерпация, свойственная письменному языку, $k \parallel g$ $\parallel$ $č$ $\parallel$ z , в настоящем времени глаголов $p_1ek-ú$ (пеку), $t_1ek-ú$ (теку), $b_1er_1eg-ú$ (берегу), $st_1er_1eg-ú$ (стерегу)... $\mid$ $p_1eč-ót$ (печет), $t_1eč-ót$ (течет), $b_1er_1ež-ót$ (бережет), $st_1er_1ež-ót$ (стережет), в разговорной речи очень многих частей русской этнографической области заменена другой альтерпацией, $k \parallel k_1$ $\parallel$ $g \parallel g_1$: $p_1ek-ú$, $b_1er_1eg-ú...$ $\mid$ $p_1ek_1-ót$, $b_1er_1eg_1-ót...$, по образцу целого ряда таких альтерпаций этого вида: $b \parallel b_1$, $t \parallel t_1$, $d \parallel d_1$, $s \parallel s_1$, $z \parallel z_1$, $r \parallel r_1$, $n \parallel n_1...$ [в формах $gr_1eb-ú$ (гребу), $pl_1et-ú$ (плету), $v_1ed-ú$ (веду), $n_1es-ú$ (несу), $v_1ez-ú$ (везу), $b_1er_1-ú$ (беру), $gn-ú$ (гну)... $gr_1eb_1-ót$ (гребёт), $pl_1et_1-ót$ (плетёт), $v_1ed_1-ót$ (ведёт), $n_1es_1-ót$ (несёт), $v_1ez_1-ót$ (везёт), $b_1er_1-ót$ (берёт), $gn_1-ót$ (гнёт)...], которые все можно свести к одной общей корреляции

PO $\parallel$ PY

{где: P означает палатальность, «смягченность»,

О — отсутствие [в данном случае палатальности],

У — наличие [в данном случае палатальности]}.

Если рассматривать этот процесс замены альтернативы $k \parallel \check{c}$, $g \parallel \check{z}$ альтернативой $k \parallel k_i$, $g \parallel g_i$ только поверхностно, то можно было бы заключить, что здесь имело место просто исчезновение корреляции, или психофонетической альтернативы. Однако это был бы ошибочный вывод. Об исчезновении этой корреляции можно было бы говорить только в том случае, если бы вместо пар $k \parallel k_i$, $g \parallel g_i$ возникли пары $k \parallel k$, $g \parallel g$, то есть если бы во всех формах настоящего времени было проведено просто полное выравнивание (униформизация). Но тогда это должно было бы произойти также и с другими согласными, то есть должны были бы возникнуть не только формы $p_1ek\text{-}\acute{o}t$, $t_1ek\text{-}\acute{o}t$, $b_1eg_1eg\text{-}\acute{o}t$, $st_1eg_1eg\text{-}\acute{o}t$ ... , но также $g_1ieb\text{-}\acute{o}t$, $p_1iet\text{-}\acute{o}t$, $v_1ed\text{-}\acute{o}t$, $n_1es\text{-}\acute{o}t$, $v_1ez\text{-}\acute{o}t$, $b_1er\text{-}\acute{o}t$, $gn\text{-}\acute{o}t$, ... Между тем дело обстоит иначе, и развитие форм $p_1ek_i\text{-}\acute{o}t$, $t_1ek_i\text{-}\acute{o}t$, $b_1eg_1eg_i\text{-}\acute{o}t$, $st_1eg_1eg_i\text{-}\acute{o}t$ ... доказывает именно большую жизненную силу корреляции $PO \parallel PY$ в настоящем времени глаголов этого типа.

ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ КОРРЕЛЯЦИИ И КОРРЕЛЯТИВОВ

1. С точки зрения антропофонической причинности: альтернирующие свойства удерживаются в соответствующих элементах произношения, или в соответствующих фонемах, и индивидуально, самостоятельно, независимо.

2. В данном состоянии языка причиной альтернативы со стороны фонетической может считаться только традиция (передача), только социальное общение, только «usage». Мы научились говорить именно так, а не иначе, благодаря среде и благодаря своим предкам, и такого объяснения вполне достаточно.

3. Антропофонические причины альтернативы, ее антропофоническая причинная связь лежат в прошлом языка и могут быть открыты только с помощью историко-лингвистических исследований. Некогда здесь действовала антропофоническая причина, но позднее действие ее прекратилось.

[Эти три новых характерных признака являются общими для коррелятивов и простых традиционных альтернатив.]

4. Вследствие постоянно повторяющейся ассоциации представлений развилась определенная функциональная психофонетическая связь каждой такой альтернативы с психическими оттенками либо формальными, морфологическими, либо оттенками значения, семасиологическими.

Обозначим:

фонему вообще — x , психическую причинность вообще — ψ , фонемы, находящиеся в корреляционной связи, — x' , x'' , психические от

тенки, связанные с корреляцией, — ψ' , ψ'' , зависимость вообще — f ; тогда коррелятивную зависимость можно выразить так:

$$x = f(\psi),$$

точнее $x' \parallel x'' = f(\psi' \parallel \psi'')$.

С другой стороны, в зависимости от того, является ли различимый посредством корреляции психический оттенок эндоглотным, внутриязыковым, морфологическим ($\mu : \mu' \parallel \mu''$), или же экзоглотным, внеязыковым, семасиологическим ($\tau : \tau' \parallel \tau''$), только что приведенная формула распадается на две:

а) $x = f(\mu)$
и.п.и: $x' \parallel x'' = f(\mu' \parallel \mu'')$;

б) $x = f(\tau)$
или: $x' \parallel x'' = f(\tau' \parallel \tau'')$.

Мы видим, таким образом, что коррелятивы, или психофонетические альтернанты, всегда соответствуют различию определенных психических оттенков. Антропофонические оттенки и различия в этом случае сопровождаются психическими, морфологическими или семасиологическими, оттенками и различиями.

5. Из вышесказанного следует, что коррелятивам свойственна всеобщность и отсутствие исключений психического характера (морфологического или семасиологического).

Определенная корреляция распространяется на все без исключения слова данной категории, например на спряжение всех глаголов определенного типа, на склонение всех имен определенного типа, на определенную область словообразования и так далее.

6. Больше или меньшее родство альтернирующих фонем при этом безразлично. Вполне достаточно того, чтобы могла установиться психофонетическая ассоциация между представлениями определенных антропофонических работ и представлениями определенных психических оттенков, чтобы могла установиться пропорция $x' : x'' = \psi' : \psi''$.

7. Изменения внешне фонетические, происходящие в области корреляций, представляют собой, как правило, не постепенность (градацию), не движение в определенном антропофоническом направлении, а лишь скачки, обычно совершенно непонятные с антропофонической точки зрения и очень часто даже противоречащие общему ходу историко-фонетических изменений.

Один из самых ярких примеров этого рода дает нам приведенная выше замена великорусских $p_1e\check{o}t$, $b_1e_r e\check{z}-\acute{o}t$ ... на $p_1ek_1-\acute{o}t$, $b_1e-r_1eg_1-\acute{o}t$ ... или возникновение императивов великорус. $p_1ek_1-\acute{i}$ (пекки), $b_1e_r_1eg_1-\acute{i}$ (береги), $romog_1-\acute{i}$ (помоги)... вместо старых $p_1e\check{s}-\acute{i}$

(пещи), *beręz-í* (берези), *potoz-í* (помози)... польск. *piecz*, *potóz*... вместо более ранних **piec-* (*piec-y*), **potódz-* (*potodz-y*).

8. Ни при дивергентах, ни при традиционных альтернативах не может быть речи о переносе альтернативного отношения, о новообразованиях по определенному типу. Характерным признаком коррелятивов является, напротив, именно эта возможность возникновения новообразований по определенному типу, возможность переноса готового коррелятивного отношения на новые слова, возможность непрерывной реконструкции отношения.

Эта переносимость коррелятивного отношения может иметь место:

а) либо в пределах групп слов определенного типа (семасиологическая, лексикальная переносимость),

б) либо в пределах морфологической категории.

9. [Признак, возникший из обобщения целого ряда коррелятивов.] При дивергентах могли существовать определенные общечеловеческие причинные связи. При коррелятивах общечеловеческой является только способность к образованию коррелятивных связей, частности же всегда носят отпечаток времени и места.

10. [Признак генетический — признак, характеризующий способ возникновения коррелятивов у отдельных индивидов.] К дивергентам каждый индивид данного языкового сообщества приходит сам по себе, приходит сразу, путем непосредственной чисто физиологической аккомодации. К развитию же коррелятивов каждый индивид приходит постепенно, по мере накопления и закрепления в его душе психофонетических ассоциаций.

При этом следует отличать корреляции, развившиеся только из собственноязычных традиционных альтернатив, от таких корреляций, в которых хотя бы один член заимствован из другого, родственного языка.

Корреляции, в которых один член возник на почве родного языка, а другой заимствован, имеют обычно семасиологическое задание, а именно — они выражают различные модификации значения. Заимствованный член альтернативы имеет преимущественно более абстрактное, более возвышенное, более литературное, более торжественное значение, тогда как члену, возникшему на почве родного языка, свойственно значение более конкретное, более будничное, более простое. Так, например, польск. *h* || *g* в *hańba* | *ganić*, *hardy* | *gardzić*... [поскольку здесь вообще может идти речь о развившейся корреляции];

великорус. *ra* || *oro*, *la* || *olo*, *re* || *ere*, *le* || *olo*, *ra-* || *ro-*, *šč* || *č*, *žd* || *ž*, *o* || *O* в *град*, *гражданин* | *город*, *горожанин*; *глава*, *главный* | *голова*, *головной*; *предок* | *передок*; *плен*, *пленить* | *полон*, *полонить*; *разум* | *розыск*; *равный* | *ровный*; *раб*, *рабский* | *робкий*, *робеть*; *освещать*, *просвещение* | *свеча*, *просвечивать*; *чуждый* | *чужой*; *рождать* | *рожать*...;

франц. *k* || *š* в cause | chose, caniculaire | chien, camp | champ..., поскольку здесь вообще может идти речь о развитой, живой корреляции.

В качестве очень редкого примера возникновения коррелятивной, или психофонетической, альтернатиции под воздействием сознания и воли на разговорный язык можно отметить следующий случай, свидетелем которого я был сам: в словенской школе Горичкой провинции, в горах Карста, учитель принуждал детей не только при чтении, но также и в устной речи заменять свойственное местному диалекту (как, впрочем, почти всем словенским диалектам) консонантное *u* (*u*) в конце слов и слогов на *l* в соответствии с написанием. Следовательно, *dàl, bìl, pròsil...* вместо *dàù, bìù, pròsiù...* Но так как в этом же диалекте в конце и в середине слова существует *ł*, звучащее одинаково с польским, русским и литовским *ł*, которое учитель сам произносил и позволял произносить детям, то в школьном языке этих детей начала постепенно развиваться коррелятивная альтернатиция *-ł* || *-l* вместо свойственной домашнему языку этих детей корреляции *-ł* || *-u*, т. е. возникли пары *dáła|dàl, bíła|bíl, pròsíł|pròsil, déła-ł|déłáł...* вместо *dáła|dàù, bíła|bìù, pròsíł|pròsiù, déłał|déłáù...*

Само собой разумеется, что столь искусственно привитая корреляция могла иметь только очень кратковременное существование и уступила со временем господствующей всюду обычной корреляции *-ł* || *-u*. Однако тот, кто не знаком со свойствами местного диалекта, услышав этих детей, мог бы заключить, что корреляция *-ł* | *-l* в данной местности действительно господствует. Нельзя также отрицать, что если бы в течение нескольких поколений учителя принуждали детей произносить *-l* вместо *-u*, альтернатиция *-ł* || *-l* могла бы окончательно укорениться и стать историческим фактом языка.

Наконец, можно еще упомянуть различные слои альтернатиций, начало которых относится к разным периодам языковой жизни, альтернатиций, которые попеременно играли роль психически подвижных, психофонетических альтернатиций, или корреляций. Так, например, в польском языке имеется несколько главных слоев таких альтернатиций: а) общеариевропейского происхождения, б) общеславянского происхождения, в) коррелятивные альтернатиции более нового происхождения, возникшие в период обособленного исторического развития польского языка, в которых частично до сих пор пульсирует психическая жизнь.

Со временем корреляция утрачивает свое психофонетическое значение и возвращается в состояние обычных традиционных альтернатиций. Такие рудиментарные корреляции можно было бы сравнить с потухшими вулканами.

Аналитическому состоянию языков, характеризующемуся децентрализующей тенденцией в области морфологии, морфологические корреляции чужды.

ТРАДИЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ

В применении не только к альтернациям, но и ко всем другим проявлениям языковой жизни фонетические, как и психические, причины явлений должны быть одновременно социальными, так как они являются не индивидуально-фонетическими, не индивидуально-психическими, а только лишь коллективно-фонетическими, коллективно-психическими. Несмотря на это, «социальный» характер причин является подчиненным, так как они состоят не в простом подражании и повторении, а в свойствах психической организации, с одной стороны, и в психических потребностях каждого отдельного индивида, принадлежащего к данному языковому сообществу, с другой стороны. Итак, хотя дивергенты, как и коррелятивы, можно рассматривать также с точки зрения традиционной и социальной причинности, для них все же остается характерной: при дивергентах — антропофоническая, при коррелятивах же — психическая причинность. Между тем при чисто традиционных альтернантах может идти речь лишь о традиционной и социальной причинности.

Как упоминалось выше, изначальная причина появления всех без исключения альтернантов имеет всегда только антропофоническую природу.

Отсюда следует, что чисто традиционные альтернанты никогда не могут быть первоначальными, а в исторической последовательности всегда являются лишь продолжением неофонетических альтернантов, или дивергентов, антропофоническая причина которых, как живой фактор, уже угасла, ибо она действовала только в прошлом.

Следовательно, все традиционные альтернации являются одновременно палеофонетическими.

Хотя это положение легко можно понять, мы поясним его несколькими примерами:

польск. *ród* | *rod* u, где $-t(d) \parallel -d$ — неофонетическая альтернация, или дивергенция, $u(\acute{o}) \parallel o$ — традиционная, или палеофонетическая, альтернация;

мгбз | *mgoz*-u: дивергенция $-s(z) \parallel -z$ и традиционная альтернация $u(\acute{o}) \parallel o$;

маž | *mež*-a: дивергенция $-š(\acute{z}) \parallel -ž$ и традиционная альтернация $q \parallel \acute{e}$;

plot-ę | *pleś-ć*: $o \parallel e$ c t || $\acute{s}$ — обе традиционные альтернации; *placi-* | *plac-ę*, *iodzi-* | *iodz-ę*: одна, и именно традиционная, альтернация $\acute{c}i \parallel c$, $d\acute{z}i \parallel dz$;

н.-в.-н. *geb-en* | *gab*: две дивергенции, $g_1 \parallel g$ и $-b- \parallel -p(-b)$, и одна традиционная альтернация, $e \parallel a$;

lad-en | *Las-t*: две традиционных альтернации, $\bar{a} \parallel \acute{a}$, $d \parallel s$ ($\bar{d}$ как *clusilis*, s как *spirans*), и одна дивергенция, $\bar{d} \parallel s$ [если рас-

смагивать эти фонемы с другой точки зрения, а именно *d* как звонкой или *media*, а *s* как глухой];

Fros-t | frier-en, Ver-lus-t | ver-lier-en, ver-lor-en: традиционная альтернатива *s* || *r*;

Fros-t | frier-en: традиционная альтернатива *ö* || *i(ie)*;

Ver-lus-t | ver-lor-en: традиционная альтернатива *u* || *o*;

ver-lier-en | Ver-lus-t, ver-lor-en: традиционная альтернатива *i(ie)* || $\begin{matrix} u; \\ o; \end{matrix}$

др.-инд. *pāmi-* | *pāma*: традиционная альтернатива *n* || *a*.

С точки зрения числа исторических эволюций, проделанных на протяжении веков современными традиционными альтернативами, все эти альтернативы можно разделить на две большие группы:

1) одни из них развились непосредственно из дивергенции, то есть они являются продолжением дивергенций, или неофонетических альтернатив, которые, утратив живую антропофоническую причину, *eo ipso* перешли в ряд палеофонетических или традиционных альтернатив;

2) другие же имеют значительно более богатое прошлое: первоначальная дивергенция превратилась некогда в традиционную альтернативу, затем эта традиционная альтернатива была использована для выражения определенных психических оттенков, то есть она стала корреляцией, пока наконец, спустя некоторое время, не забылась ее ассоциация с психическими оттенками, так что данная альтернатива из состояния корреляции вернулась в состояние простой традиционной альтернативы.

1) Примеры традиционных, или палеофонетических, альтернатив, произошедших непосредственно из неофонетических альтернатив, или дивергенций:

а) альтернативы, вызванные некогда палатализующей или диспалатализующей аккомодацией, то есть «смягчением» или «отвердением»:

польск. *ś* || *x* (*ch*) [szed-ł | chodz-i...],

ć || *t* [ciek-, ciec | tok; cięż-ki, cięż-a | tęg-i, ws-tąż-ka...],

b || *b'* [br-ać | bior-ę, bierz-e...],

o || *e* [bior-ę | bierz-e, nos-ę | niesi-e...],

a || *e* [świat | świec-i...];

б) альтернатива, свойственная между прочим латинскому, некоторым германским языковым областям, а также чувашскому:

s || *r*;

в) альтернатива определенной фонемы с нулем или с отсутствием всякой фонемы, например польск. *e* || 0 [pie-, | ps a, sen |

[sn-u...], 0 || $\begin{matrix} e \\ o \end{matrix}$ [br-ać | bierz e, bior-ę...].

2) Примеры традиционных альтернатив, прошедших три ступени эволюции: от дивергентов к традиционным альтернантам, от традиционных альтернантов к коррелятивам, от коррелятивов снова к традиционным альтернантам:

Всем ариоевропейским языкам свойственна альтернатива $e \parallel o$,

которая в течение некоторого времени характеризовала; между прочим, различие первичных глаголов и имен определенного типа [до сих пор, напр., в польском в виде $\begin{matrix} e, & e \\ & o \end{matrix} \parallel o$: grzebi-e, grzeb-ę | grob-; ciec-z-e, ciek-ę | tok-; wlec-z-e, wlok-ę | włok-; ple-ci-e, plot-ę | płot-...].

Альтернативы польского и других славянских языков вроде $0 \parallel i$, $0 \parallel y$ [pn-ę | pin-a, czł-ę | czyt-a..., tk-a | tyk-a, tch-nę | duch-a...].

Польская альтернатива $o \parallel u$ (ó) [chod- | chód-...].

Альтернатива н.-в.-н. языка в спряжении так называемых «сильных» глаголов, например:

$$i, e \parallel a \left[\text{bind-e} \mid \text{band, geb-e} \mid \text{gab...} \right], \quad \begin{matrix} i, e \\ a \end{matrix} \parallel u, \quad o \left(\begin{matrix} in \\ an \end{matrix} \parallel \begin{matrix} un, \\ ar \end{matrix} \parallel \begin{matrix} er \\ or \end{matrix} \right)$$

[bind-e, band | ge-bund-en; werf-e, warf | ge-worf-en...].

Если мы снова примем во внимание то чрезвычайно важное обстоятельство, что к корреляциям, свойственным данному языковому сообществу, каждый индивид должен придти сам по себе, самостоятельно, благодаря собственной работе, а также то, что у некоторых индивидов ощущение корреляции может остаться совершенно неразвитым, то получится, что все упомянутые в IV главе коррелятивные, или психофонетические, альтернативы для этих индивидов могут оказаться лишенными своего коррелятивного характера или, другими словами, могут принадлежать к категории чисто традиционных альтернатив.

Если x означает фонему вообще,
 $x' \parallel x''$ — альтернативу фонем вообще,
 π — фактор традиции и социального общения³,
 ψ — психический фактор вообще,
 $\psi' \parallel \psi''$ — альтернативу психических оттенков, ассоциированных (связанных) с альтернативой фонем, тогда формула коррелятивов примет следующий вид:

$$x' \parallel x'' = m\pi + n(\psi' \parallel \psi''),$$

где коэффициенты m и n имеют переменное значение и зависят от силы соответствующего фактора, от степени отражения

³ Само собою разумеется, что этот символ π не имеет ничего общего с π , употребляемым в математике и выражающим отношение окружности к диаметру.

в памяти либо простой ассоциации с данными словами (при $m\pi$), либо ассоциации с альтернативой психических оттенков [при $n(\psi' \parallel \psi'')$].

Границами переменных значений будут:

$$\begin{aligned} 0 \text{ и } N \dots \text{ при } n, \\ 0 \text{ и } M \dots \text{ при } m, \end{aligned}$$

где N , M означают максимум возрастания силы. Тогда, собственно:

$$\begin{aligned} n &= {}_0n^N, \\ m &= {}_0m^M. \end{aligned}$$

Если мы примем, что для данного индивида

$$n(\psi' \parallel \psi'') = 0,$$

то получим

$$x' \parallel x'' = fm\pi,$$

то есть вместо корреляции мы получим простую традиционную альтернативу.

ПРИЗНАКИ ТРАДИЦИОННЫХ АЛЬТЕРНАЦИЙ

1. Альтернирующие свойства удерживаются в соответствующих элементах произношения, то есть в соответствующих фонамах индивидуально, самостоятельно, независимо.

Если зависимость дивергентов от их причин может быть выражена формулой

$$x' \parallel x'' = fn(\psi' \parallel \psi''),$$

а зависимость коррелятивов — формулой

$$x' \parallel x'' = fm\pi + fn(\psi' \parallel \psi''),$$

то при традиционных альтернантах речь может идти только о

$$x' \parallel x'' = fm\pi.$$

2. Очевидно, что в данном состоянии языка только традиция (передача), только социальное общение, только «*usus*» могут рассматриваться в качестве причины альтернативы. Мы научились говорить именно так, а не иначе, у своего окружения и у своих предков, и такого объяснения вполне достаточно. Мы не можем указать индивидуального повода к сохранению данной альтернативы.

3. Антропофонические причины альтернативы, ее антропофоническая причинная связь лежат в прошлом языка и могут быть обнаружены только с помощью историко-лингвистических исследований. Когда-то здесь действовала антропофоническая причина, которая теперь перестала действовать.

Эти три признака являются общими для простых традиционных альтернантов и коррелятивов.

4. Психические ассоциации, на которые опирается сохранение традиционных альтернатив, находятся в непрерывной коллизии со стремлениями к устранению фонетических различий, не оправданных ни индивидуальными антропофоническими тенденциями, ни индивидуальными психическими потребностями. Такая коллизия ведет либо к возникновению коррелятивного значения в соответствующей традиционной альтернативе, то есть к замене отношения

$$x' \parallel x'' = fm\pi$$

отношением

$$x' \parallel x'' = fm\pi + fn(\psi' \parallel \psi''),$$

либо к развитию устойчивой тенденции к устранению различий, к выравниванию (униформизации), то есть к субституции в альтернативе

$$x' \parallel x'',$$

либо x' вместо x'' , либо, наоборот, x'' вместо x' , что в любом случае дает

$$x' = x''.$$

Глава VI

ИНОЯЗЫЧНЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ,

то есть альтернативы, возникшие под влиянием
другого языка

Корреспонденции, или фонемные соответствия в разных языках, не имеют единых носителей, не имеют единых психических субстратов, за исключением, быть может, особого случая, когда одно и то же лицо говорит на обоих языках, корреспонденции которых мы рассматриваем. Но возможно также, что даже и без этого условия, без условия того, что одно и то же лицо говорит на обоих языках, корреспонденция становится живой, то есть не только исторической, но одновременно и психофонетической. Это имеет место при заимствовании из соседних языков, находящихся в близком историческом родстве с данным заимствующим языком. Так, например, при заимствовании из русских диалектов в польские и наоборот, из славянских диалектов в литовский и наоборот, из древнеиталийских диалектов в латинский язык и наоборот, и так далее. Это происходит также в том случае, если о географическом соседстве не может быть речи, но зато существует литературное, культурное соседство. Сюда относятся, например, заимствования

из латинского языка во французский и другие романские языки, затем заимствования из церковнославянского языка в русский и другие славянские языки, и тому подобное.

Таким образом возникает живое, ощущаемое говорящими фонетическое соответствие, или корреспонденция. Но если постоянно повторяющийся вид и способ заимствования из одного языка в другой может развить живое ощущение корреспонденции или соответствия, то возможны также:

а) заимствование из близко родственного языка свойственных ему палеофонетических альтернатив,

б) возникновение живого отношения этимологического родства между определенными морфемами в их местной форме и в заимствованной форме; такое отношение можно было бы назвать *альтернативой корреспонденций* (совместностью соответствий).

Само собой разумеется, что заимствования такого рода и взаимный обмен обычно наблюдаются только между близкородственными языками — между польским и чешским, польским и малорусским, сербским и болгарским, русским и церковнославянским, французским и латинским, латинским и другими древнеиталийскими диалектами и так далее, ибо без этого условия близкого родства не может быть в двух языках достаточного количества морфем, обнаруживающих постоянное этимологическое или фонетико-психическое соответствие; количества, достаточного для того, чтобы в случае заимствования из одного языка в другой развить в заимствующем языковом сообществе чувство прочного соответствия, а это чувство безусловно необходимо для узнавания той или иной альтернативы.

Примером альтернативы целиком иноязычного происхождения, то есть альтернативы, оба члена которой заимствованы из другого языка, может служить польская альтернатива *h || z* в *błah-y | bławz-en...*, заимствованная из чешского.

В качестве же примеров альтернатив смешанного происхождения, то есть таких, у которых один член вырос на почве родного языка, а другой был заимствован, можно привести: польск. *g || h* [*gan-ié | hań-ba, gardz-ié | hard-y, błog-i | bławh-y*; польск. *to || ta* [*błog-i | bławh-y, bławz-en...*], лат. *b || f* [*rub-er | ruf-us...*], франц. *š || k* [*chose | cause, champ | campr...*] и другие подобные дублиеты, которые частично самими людьми ощущаются как этимологически связанные, частично же могут быть открыты только с помощью теоретического исследования, направляемого научным мышлением.

Разнообразные альтернативы, возникшие путем заимствования, можно превосходно изучить на материале русского литературного языка, так как этот язык довольно долго подвергался сильному влиянию церковнославянского и вследствие этого обязан ему также значительным количеством альтернатив.

В соответствии со сказанным выше следует различать прежде всего две главных категории альтернатив этого вида, встречающихся в русском языке:

- 1) альтернативы целиком церковнославянского происхождения,
- 2) смешанные, наполовину церковнославянские, наполовину русские альтернативы.

Альтернативы второй категории значительно больше, чем первой. Кроме того, если учесть фонетическую идентичность одного из членов альтернативы целиком церковнославянского происхождения и соответствующего члена возникшей на почве родного языка чисто русской альтернативы, то нередко может возникнуть сомнение, следует ли считать данную альтернативу по происхождению чисто церковнославянской или смешанной.

Примеры русских альтернатив, целиком заимствованных из церковнославянского:

а) *ti* || *šč, di* || *žd* в *о-свети́-ть* | *о-свещ-а́ть, роди́-ть* | *рожд-а́ть*...

Соответствующие альтернативы родного языка *ti* || *č, di* || *ž* в *свети́-ть* | *свещ-у́, роди́ть* | *рожд-а́-ть*...

В обоих видах альтернатив первые члены совершенно одинаковы, а вторые различны. Чисто русские *šč, žd* возникли другим способом и являются членами альтернативы другого вида: *sk* || *šč* [*иск-а́ть* | *ищ-ет, иск-* | *ищ-и́т...*], *sti* | *šč* [*пусты́-ть* | *ищ-и́.* *свист-и́т, свищ-и́.*...]; *žid* ⇒ *žd, žd* || *žid* [*жд-а́ть* | *о-жди́-а́ть*...], *вражд-а́* ⇐ *вражд-а́*...].

К категории альтернатив, заимствованных из церковнославянского, принадлежит также ^t || *šč* в *пит-а́ть* | *пи́-ща, клевет-а́ть* | *клевет-ет*..., *tvi* || *ščv'* в *у-мертви́-ть* | *у-мерцел-я́ть*..., *stri* || *ščr'* в *из-остри́-ть* | *из-ощр-я́ть*..., *z* || *žd* *из-жив-* || *иждив-ение*.

воз-жел-а́ть || *вождед-е́нный*...⁴

⁴ При этом бросается в глаза отсутствие параллелизма между *šč* и *žd*. Почему не *št*, как *žd*, или не *ždž*, как *šč*? На это не трудно ответить. В церковнославянских памятниках имелся сокращенный знак *ѣ* вместо шт. Этот знак, имеющий вид одной буквы, произносился как *šč* в тех словах, где это *šč* возникло на почве самого русского языка без церковнославянского влияния, то есть в таких словах, как *ищ-и́, ищ-ет, ищ-и́т*... Вполне естественно, что это произношение распространилось также на слова с буквой *ѣ*, заимствованные непосредственно из церковнославянских памятников, такие, как *освещ-а́ть, просвещ-ение, совращ-а́ть, прекращ-а́ть, пи́ща, умерцел-я́ть*..., а не «освещ-а́ть», «просвещ-ение», хотя это второе произношение, с *št*, было свойственно самому церковнославянскому языку. Несколько иначе обстоит дело с *žd*. В церковнославянских памятниках не найдено сокращенного знака вместо *жд* вроде *ѣ* вместо *шт*, и поэтому никому из русских не пришло в голову произносить слова *рожд-а́ть, рожд-ество, оград-а́ть, убежд-а́ть, иждив-ение, вождед-е́нный* иначе, как с *žd*.

б) *sk* || *st* в *блеск* | *блест-ать*, *блест-еть*...;
 в) *er* || *ra* в *мёрз-кий* | *мразь*, *смерд-еть* | *смард*, *верт-еть* |
 | *врат-а*, *врат-ить*, *вращ-ать*...;
 l'e || *ta* в *влек-у* | *влечь*, *-влек-ать* | *вляч-ить*, *об-лак-о*...

В качестве примеров смешанных альтернатив русского языка, то есть таких альтернатив, у которых один член развился на почве родного языка, а другой был заимствован из церковнославянского, можно привести следующие альтернативы:

а) *g* || $\gamma(h)$ в *gospod'ín* (господин), *γospód'* (госпóдь: госпóдь бог), *gosudár'* (государь: мýлостивый госудáрь) | *γosudár'* (госудáрь), *bogátuj* (богатый) | *bóγα* (бога)...

Из этого нельзя заключить, что в самом церковнославянском произносилось также γ | *h*, то есть звонкое *x(ch)* или спирантное *g*.

Наоборот, поскольку славянам Балканского полуострова свойственно *g*, а церковнославянский литературный язык берет начало на Балканском полуострове, то мы должны предположить, что этому языку также свойственно было произношение *g*. Но церковнославянский язык проникал в Великороссию через Киев и вообще через Малороссию, а малорусское духовенство и ученые в этом случае навязывали церковнославянскому свое собственное произношение, то есть они начали произносить букву *g* как $\gamma(h)$. Произношение же, санкционированное Киевской духовной академией и тогдашним центром православия, стало считаться образцовым и обязательным для всей России как для Малороссии, так и для Великороссии. Поэтому русское православное духовенство привыкло при чтении произносить γ ; это произношение удерживается в словах, заимствованных из церковнославянского языка в русский и ощущаемых в качестве таковых.

Разумеется, об этой альтернативе *g* || γ можно говорить только применительно к произношению тех великороссов, у которых в родном языке имеется *g*. Там же, где произносится исключительно $\gamma(h)$, например в белорусском и во многих других частях великорусской языковой области, нет и следа этой альтернативы.

б) *ó* || *é* в тех случаях, когда на почве великорусского языка должно было развиться *ó* и когда только благодаря влиянию письма и желанию произносить отдельные буквы соответственно их алфавитному названию, в словах, заимствованных из церковнославянского, произносятся *é*, что дало повод к возникновению альтернативы *ó* || *é* [*ó* — чисто русского, *é* — церковнославянского происхождения]. Например:

в корневых морфемах: *нёб-о* | *нёб-о*, *о-дѣж-а* | *о-дѣжд-а*, *мёрт-вый* | *с-мёрт-ный*, *мёрз-нуть* | *мёрз-кий*, *на-пёрст-ок* | *перст*...;

в суффиксах: *-óž-* || *-éž-* [*граб ёж*, *пад-ёж* | *мят-ёж*, *пад-ёж*...];
бв-а | *-ѣв-а* [собств. имя *Корол-ѣва* | *корол-ѣва*], *-бпн-* | *-ѣпн-* [*почт-ѣнн-ый*, *соверш-ѣнн-ый*, *освящ-ѣнн-ый*, *влюбл-ѣнн-ый*... | *почт-ѣнн-ый*, *соверш-енн-ый*, *преосвящ-енн-ый*, *незабв-енн-ый*...],
-ó || *-é*, *-e[-t'jó* || *-t'ijé*, *-ńjó*, *-eńjó* | *-ńje*, *-éńje*: *житьё-бытьё* | *жи-тиё*,

бы-тиѣ, вра-ньѣ, жра-ньѣ, лга-ньѣ || *писа-ние, посла-ние, заклá-ние, введ-еньѣ* (диалект.) | *введ-ѣние, явл-ѣние, вознес-ѣние, воз-двѣж-ение...*].

В этом последнем случае, *-б* || *-ѣ*, *-e* [-t'jó || -t'íje, -ńjó, -eńjó | {-ńje, -eńje}], *-б* появилось на русской почве не вследствие фонетического процесса, а лишь путем морфологической ассимиляции («аналогии») с другими существительными этого типа. Но во всех других случаях русское *о* развилось из краткого *ѣ*, соответствующего общеславянскому *ě* или *ǐ* перед «твердыми» или непалатальными согласными.

в) *щ* || *šč*, *ž* || *žd*:

в корнях: *свеч-á* | *о-свеч-áть, ворбч-ать* | *врац-áть, рож-áть* | *рожд-áть, хож-ý* | *хожд-ѣние, чуж-бѣ* | *чужд-ый...*

в суффиксах: *-ищ-, -ащ-* | *-ищч-, -ащч-*: *дрем-ýч-ий, плов-ýч-ий, пах-ýч-ий, кип-ýч-ий* | *дрѣмл-ющ-ий, пльв-ýщ-ий, кип-ящ-ий...*, *гор-юч-ий, кол-юч-ий, вон-юч-ий* | *кол-ющ-ий, воня-ющ-ий...*, *гор-яч-ий, вис-яч-ий, сто-яч-ий* | *гор-ящ-ий, вис-ящ-ий, сто-ящ-ий*. -

г) *-оро-* || *-ра-*, *-оло-* || *ла-*, *ере-* || *-ре-*, *-оло(-еле-)* || *-ле-*, *го-* || *га-*: *ворот-* || *врат-*, *город-* || *град-*, *норов-* || *нрав-*, *сторон-* || *стран-*, *порох-* || *прах-*..., *голов-* || *глав-*, *молод-* || *млад-*, *волок-* || *влак-*. *солод-* || *слад-*..., *берем-* || *брем-*, *берег-* || *брег-*, *веред-* || *вред-*, *серед-* || *сред-*, *перед-* || *пред*, *пере-* || *пре-*, *черед-* || *чред-*..., *волок-* || *влек-*, *молок-* || *млек-*, *полон-* || *плен-*..., *раб-* || *роб-*, *ров-* || *рав-*, *роз-* || *раз-*, *рост-* || *раст-*...

д) *о* || *о* в *с-бор* | *со-бѣр*, в *головѣ* || в *главѣ*, во *главѣ*...

Смешанные альтернации могли образоваться благодаря мыслительному процессу, напоминающему математическое заключение: «две величины, равные третьей, равны между собой» или «две величины, подобные третьей, подобны между собой».

Сопоставим, например, возникшую на почве самого великорусского языка альтернацию *ti* || *č*[vārót'í- (вороти-)] || *vŭ-rāč-ú* (вороч-у)...] и альтернацию церковнославянского происхождения, *tī* | *šč*[sŭvrāt'í- (соврати-)] || *sŭ-vrāšč-ú* (совращу)...]. В обеих этих альтернациях имеется общий член, *tī*, с которым в альтернации, возникшей на почве родного языка, альтернирует *č*, а в иноязычной — *šč*. Следуя приведенному выше математическому заключению, можно сказать: две психофонетические величины (то есть две фонемы или две группы фонем), альтернирующие с третьей, альтернируют между собой. В данном случае мы получаем двуязычную альтернацию *č* || *šč*; эта альтернация действительно находит в великорусском широкое применение.

Из сказанного видно, что с точки зрения истории межплеменных связей, палеофонетические альтернации, будь то просто традиционные, будь то коррелятивные, т. е. психически подвижные, могут быть двух видов:

1) некоторые из альтернатив объясняются развитием данного языка, независимо от иноязычных влияний. Такие альтернативы возникли на почве родного языка благодаря деятельности соответствующего языкового сообщества;

2) другие альтернативы возникли вследствие влияния иного языкового сообщества, т. е. вследствие заимствования из другого близкородственного языка целой категории слов, которые содержат фонемы, входящие в другую альтернативу.

Здесь возможны два пути: а) либо устное общение, б) либо влияние чуждой письменности.

Альтернативы, возникшие под влиянием другого языка, могут быть двух видов: 1) либо заимствована вся альтернатива целиком, то есть обе ее стороны (оба члена), 2) либо заимствована только одна сторона, другая же принадлежит данному языку.

В языковом сообществе, едином относительно альтернатив, все свойственные ему альтернативы возникли вследствие первоначального антропофонического импульса в недрах самого этого языка. Иначе обстоит дело со смешанным языковым сообществом. Здесь, что касается первоначального антропофонического импульса, альтернативы делятся на: 1) одноязычные, 2) двуязычные. Одноязычные альтернативы (обе их стороны, оба члена) возникают а) либо в самом данном языке, б) либо в другом языке, из которого они были заимствованы. Иначе говоря, могут быть следующие альтернативы:

1) одноязычные, возникшие на почве родного языка, или внутриязыковые,

2) одноязычные, возникшие в другом языке, или иноязычные,

3) двуязычные, или внутриязыково-иноязычные.

Только в отношении первых может быть задан вопрос, действует ли еще их первоначальная антропофоническая причина в данном состоянии языка, или она действовала только в прошлом. Там же, где мы имеем дело с иноязычностью, подобный вопрос полностью исключается.

Как палеофонетические природные альтернативы данного языка, так и иноязычные альтернативы могут:

1) либо иметь чисто традиционную причинность,

2) либо использоваться одновременно в психических, будь то морфологических или семасиологических, целях.

ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ ИНОЯЗЫЧНЫХ АЛЬТЕРНАЦИИ

Три первых характерных признака — те же, что у традиционных альтернатив и корреляций. Кроме того, — еще 4-й и 5-й признаки:

4. Первоначальные антропофонические причины перехода некогда единой фонемы в состояние зарождающейся (эмбриональной)

а затем и явной неофонетической альтернации, или дивергенции, так же как и антропофонические причины дальнейшего преобразования дивергенции в традиционную альтернацию, следует искать не в данном языковом сообществе, а либо целиком в одном из родственных языковых сообществ (именно, в том языковом сообществе, у которого заимствована эта альтернация), либо наполовину в данном заимствующем языковом сообществе, а наполовину в том, у которого был заимствован один из членов альтернации.

Так, например, русские альтернации *di* || *žd*, *ti* || *št* возникли не в самой области русского языка, а на Балканском полуострове, у населявших его славян; один из членов русских альтернаций *ž* || *žd*, *č* || *šč* коренится в прошлом самого русского языка, а другой член — в прошлом славян Балканского полуострова, так как именно в этой языковой области образовался церковнославянский язык.

5. Заимствованные (полностью или хотя бы только наполовину) альтернации не могут объясняться антропофоническими причинами. Что же касается неофонетической стороны заимствованных альтернаций, то фонемы, образующие их, подчиняются требованиям заимствующего языка соответствующей эпохи. «Звуковые законы» данной эпохи одинаково обязательны как для фонем и альтернаций, возникших на почве родного языка, так и для натурализованных или заимствованных фонем и альтернаций.

Четвертый характерный признак традиционных альтернаций свойствен только тем заимствованным альтернациям, которые остались в сфере чисто традиционных альтернаций, не будучи использованы в психических целях. Если же такое использование имело место, то и заимствованным альтернациям свойственны признаки 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10-й, характерные для корреляций или для психофонетических альтернаций.

Глава VII

ЗАРОЖДАЮЩИЕСЯ (ЭМБРИОНАЛЬНЫЕ) АЛЬТЕРНАЦИИ

Как в природе вообще, так и в языке мы должны отличать явления макроскопические, то есть видимые сразу, без особого труда, от микроскопических, то есть видимых только при особом напряжении внимания.

Это различие «макроскопии» и «микроскопии» в одинаковой степени относится как к самим исследуемым величинам, так и к различиям между ними. В первом случае сами величины, например, определенные тела, определенные впечатления, определенные представления, могут быть либо видимыми сразу, макроскопическими, либо они становятся доступными для наблюдения

только после применения некоторых увеличительных средств. Во втором случае различие между обеими сравниваемыми величинами может быть либо ясным и очевидным с первого взгляда, либо внешне исчезающим, бесконечно малым и заметным только после применения увеличительных инструментов или по крайней мере после соответствующей концентрации и-напряжения внимания.

По этой причине мы должны наряду с ясными и легко определяемыми альтернативами принять также альтернативы с минимальными различиями, зарождающиеся альтернативы.

Само собой разумеется, что при этом должна идти речь не об удовлетворении простого любопытства или о беспечном упражнении способности к различению, а об установлении самых начал действия антропофонической причинности. Именно на этих стадиях мы видим начало влияния различных фонетических условий, вызывающих зарождение различий, и эти различия, постепенно возрастая, приводят наконец к расщеплению того, что некогда было единым, на две или более величины, четко различающиеся между собой.

Опираясь на исследование других языковых состояний, содержащих уже готовые результаты влияния различных антропофонических условий, необходимо обратить внимание на подобные условия в исследуемом состоянии данного языка, если даже на первый взгляд никаких заметных различий эти условия не вызывают.

Даже в том случае, если бы такое рассуждение и констатация (установление) зарождающихся альтернатив и не принесли никаких других полезных результатов, то их все же нельзя было бы недооценивать уже по той причине, что они указывают на возможность изменений и побуждают к микроскопически-лингвистическим, чисто объективным исследованиям, где мы уже не доверяем субъективным впечатлениям, производимым данными явлениями на наши невооруженные органы чувств, а прибегаем к помощи психически, акустически и оптически объективных аппаратов.

Здесь можно совершенно независимо от этимологического родства морфем, содержащих соответствующие фонемы, изучать факторы антропофонических изменений и определять зародыши дивергенции фонем. При этом речь должна идти только лишь о том, как дивергирующие фонемы производятся в фонетических словах или просто в каких-либо фонетических сочетаниях данного языка, независимо от значения этих сочетаний. Так, например, зарождающаяся дивергенция фонемы *k* в сочетаниях *ka* | *ke* | *ki* | *ko* | *ku* | *ką* | *kę* | *kr* (*kraj*) | *kł* (*kłaść*) | *kl* (*kłać*) | *kś* (*krzywy*) | *ks* (*k sobie*) | *kñ* (*kñin*) | *kń* (*kńiaź*) | *kt* (*kto*) | *kř* (*křić*)... совершенно независима от значения морфем и слов, содержащих эти сочетания. Зарождающаяся дивергенция фонемы *a* в сочетаниях *ka* | *ta* | *pa* (эта дивергенция основывается

на том, что от особенностей произношения предшествующей согласной фонемы зависит различие в произнесении начала гласного а) также никак не связана со значением.

Здесь относится и зарождающееся различие фонем, кажущихся идентичными, в зависимости от того, находятся ли эти фонемы в начале, в конце или в середине слова [x- || -x || -x-]; в зависимости от того, сопровождаются ли они более сильной экспирацией (акцентом) или не сопровождаются; в зависимости от того, находятся ли они в аутофтонгическом или симфтонгическом положении {*ü* | [*a*] *u*, *i* | [*a*] *i*...}, то есть *u* || *u*, *i* || *i*...} и др.

Если дело касается рассмотрения подобных дивергенций с точки зрения альтернативы, то мы должны сопоставлять только родственные морфемы. В *dn-o* || *den-ko* фонема *d* внешне идентична. Между тем она произносится по-разному в каждом из этих слов. Правда, главный артикуляционный момент, момент паузы, момент смыкания органов, локализирующих эту фонему в полости рта в том и другом слове одинаков; но переход к следующей фонеме различен, и вследствие этого произношение внешне идентичной фонемы *d* в *dno* и *denko* в каждом из этих случаев связано не только с различным акустическим эффектом, но также и с разными группами физиологических работ.

В польских словах *ród* | *rod-u*, *mróz* | *mróz-u*, *maż* | *meż-a* мы имеем, наряду с ясными, четкими, определяемыми традиционными или палеофонетическими альтернативами *u* (*ó*) || *o*, *q* || *e* и ясными, четкими, определяемыми нефонетическими альтернативами или дивергенциями *-t* (*-d*) || *-d-*, *-s* (*-z*) || *-z-*, *-ś* (*-ż*) || *-ż-*, еще следующие зарождающиеся нефонетические альтернативы: а) *r* [ód] || *r* [odu], [m] *r* [óz] || [m *r* [ozu], б) *m* [aż] || *m* [eża], в) [ró] *t* || [ro] *d* [u], [mró] *s* || [mro] *z* [u], [ma] *ś* || [me] *ż* [a]...

{Эта последняя группа зарождающихся альтернатив, *-t* || *-d-*, *-s* || *-z-*, *-ś* || *-ż-*, нуждается в более подробном объяснении. Ее формулирование не касается ни различия в деятельности голосовых связок, ни различия между ослаблением индивидуальности в *-t*, *-s*, *-ś* и сохранением этой индивидуальности в *-d-*, *-z-*, *-ż-*, — то и другое относится к категории явных дивергенций, — а учитывает только возможное влияние предшествующих гласных, с одной стороны *u* (*ó*), *q*, с другой стороны *o*, *e*, на природу соответствующих согласных.}

Подобно этому в польских *kos* | *kosa* мы имеем две зарождающихся альтернативы: *-o* [s] || *-o* [sa], [-o] *s* || [-o] *s* [a].

Сопоставление польского *ten* | *tem* | *te* | *temu* | *tęgo* | *temi* | *teraz* дает нам повод констатировать зарождающиеся альтернативы: *e* || *e* [ten | tem | te, *tęgo*, *temu*, *temi*, *teraz*], *e* || *e* [ten | tem], *e* || *e* [te | *tęgo*, *temu*, *temi*, *teraz*], *e* || *e* [tęgo, *teraz* | *temu*, *temi*], *e* || *e* [temi | *temu*, *tęgo*, *teraz*].

Польск. *t* || *t*...: *ten* | *ta* | *to* | *tych* | *ta* | *te*,

n || *n*...: *ten* | *ten* *ojciec* | *ten* *śad* | *ten* *pies* | *ten* *kraj*...

o || o...: toń | toni, tonią, tonie,
 ń || ń: toń | toni...,
 ń || ń || ń: toni | tonię | tonią,
 m || m: morze | morski | mórz,
 o || o: morze | morski,
 r || r: morski | morska,
 ż (rz) || ż (rz): morze | morza.

Для того чтобы констатировать зарождающиеся альтернации, мы можем сопоставить, например, еще следующие польские слова:

stóp | stopa | stopy | stopą | stopie | stopami...
 skał | skałka | skała | skale | skal | skali | skalisty...
 kraj | kraju | krajem | ten kraj...
 zmywa | zbywa | zdaje...
 zmyć | zmyj | zmywa | zmyje | zmywać | zmywanie | wymuć...
 znać | poznać | znamy | znacie | znam | znaj | znają | znany |
 znak | znaku | znacz | znaczyć | znakiem | znamię | znamienia...
 wieńec | wieńca | wieńczy | wieńcz | uwieńcz | wianek | wieńczą |
 wieńcem...
 świeca | świat | światło | światelko | świecić | światu | świec |
 świeczka...

В великорусских *góda* (го́да) *gǎdá* (годá) мы имеем зарождающиеся альтернации *g* || *g* и *d* || *d*, так как эти согласные бывают связаны то с акцентированным (иктированным), то с не акцентированным (неиктированным) гласным того же слова.

Одним словом, это касается огромного числа фонетических фактов, так как можно смело сказать, что, пожалуй, ни в одном языке нет ни одной группы этимологически родственных слов, в которой нельзя было бы обнаружить целого ряда зарождающихся альтернатив подобного рода, то есть нет, пожалуй, ни в одном языке ни одной фонемы, которая всегда находилась бы в одних и тех же антропофонических условиях.

Эти зарождающиеся альтернации мы считаем альтернативами с незаметными различиями образующих их фонем. Эти различия мы обычно рассматриваем также как бесконечно малые, так что можем обозначить их знаком 0:

$$d(x' - x'') = 0$$

[где *d* обозначает различие, а *x'*, *x''* — любую фонему в различных антропофонических условиях, позволяющих предположить постепенное расщепление этой фонемы на две или более].

Но уже сам факт, что фонема входит в состав слов, которые обнаруживают то антропофонические различия, различия фонетической связи или фонетического строения (например, различие в отношении к акцентуации слов), то психические различия (семасиологические или морфологические), создает разницу между

внешне одинаковыми фонемами, которая со временем может стать заметной.

Так, например, антропофоническое различие $a||a$ в польских словах $matka||macierz$ [где одно a находится в закрытом слоге и перед непалатальным согласным, а другое a — в открытом слоге и перед палатальным согласным] со временем может привести к преобразованию (перерождению) этого a подвум разным направлениям, например к превращению a в $macierz$ в гласный из категории e .

В предвидении подобной возможности можно предположить также будущую альтернатию $m||m$ в $matka||macierz$, так как m перед a находится в других антропофонических условиях, чем m перед тем e , которое предполагается в качестве исторического продолжения гласного a в $macierz$.

Подобным образом различие антропофонических условий для гласного a в $matka||mateczka$ [одно в закрытом, другое в открытом слоге] может дать со временем повод к расщеплению этого a на две явно различные фонемы.

С другой стороны, не следует забывать, что также и вследствие действия психических факторов каждая фонема, входящая в состав морфемы $mat-$ в слове $matka$, может подвергаться другим изменениям по сравнению с идентичной ей фонемой той же морфемы в слове $mateczka$. Слово $mateczka$ (мамочка) — уменьшительное, ласкательное слово; слово же $matka$ (мать) — не уменьшительное, не ласкательное (не гипохористическое). Таким образом, ясно, что для морфемы $mat-$ и ее фонем $m . . . a . . . t$ существуют одни условия в одном слове и иные в другом.

Но возможные изменения фонем, возникающие вследствие этих психических различий, не могут считаться антропофоническими с точки зрения их причинности и, следовательно, не могут быть подведены под понятие альтернатиции зарождающейся или явной.

Тем не менее остается фактом, что каждая фонема (звук) подвергается разнообразным влияниям в зависимости от того, рассматривается ли она как простой звук или как фонетическая составная часть морфологической единицы. Подобным образом каждый человек подвергается одним влияниям как психический индивид, другим же — как член семьи, общества, государства и так далее. Каждое тело также подвергается влиянию, с одной стороны, физических, а с другой стороны, химических условий и так далее.

В зарождающихся альтернатициях можно принять две ступени различий, зависящих в каждом случае от соединений фонем:

1) действительно зарождающиеся или скорее только возможные альтернатиции с различием между фонемами,

равным нулю (0). Так, например, s||s в польских kos||kosa представляет разницу 0, по крайней мере для слуха и для восприятия, не вооруженного оптическими и акустическими аппаратами.

2) альтернации, которые можно уже заметить и определить. Различие фонем мы можем здесь обозначить $\alpha \rightarrow 0$, то есть рассматривать его как определенное, но очень малое различие с пределом 0.

Несмотря на это, мы уже определенно вступаем здесь в область дивергентов.

Во всяком случае, к категории зарождающихся альтернаций могут быть причислены только альтернации с фонемными различиями, которые исчезают для минимального, неосознанного восприятия и могут быть открыты только с помощью напряжения сознательного внимания.

В цепи исторического развития эти альтернации образуют посредствующее звено между зарождающимися альтернациями *par excellence* и нефонетическими альтернациями или дивергенциями, определяемыми уже минимальным восприятием.

Доказательством действия минимального восприятия служат «аналогические» образования вроде польского *z wusa* вместо *z wozu* (с воза), возникшее под влиянием форм вроде *wus(wóz)* (воз) не только в языке детей, но и в языке взрослых.

Глава VIII

ВЗАИМНАЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ РАЗНЫХ КЛАССОВ АЛЬТЕРНАЦИЙ.

Постепенный переход одного класса в другой

Возьмем, например, пару этимологически близких польских слов: *plot-ę* | *pleci-e* (ныне произносится *plot-e* | *pleć-e* (я плету | он плетет)). Фонемы, входящие в состав этих слов, группируются в следующие альтернации:

l | *o* || *l* | *e*. . . зарождающаяся альтернация,

[t] | *e* || *[ć]* | *e*. . . нефонетическая альтернация, или дивергенция,

o || *e*. . . палеофонетическая, или традиционная, альтернация,

t || *ć*. . . психофонетическая альтернация, или корреляция.

Современное альтернационное состояние этих слов развилось из других предшествующих состояний, когда фонемы, входящие в их состав, группировались в другие альтернации. Основываясь на историко-сравнительных исследованиях, мы имеем право принять приблизительно такую последовательность альтернационных состояний от ариоевропейского периода до наших дней:

1) *plet-o | *plet-e.

Этому состоянию были присущи только зарождающиеся альтернативы $t|o||t|e$, $e|to||e|te$, где t и e эмбрионально расщепились совершенно таким же образом, как и во всех других антропофонических сочетаниях $eto|ete$, вне всякой этимологической связи.

2) *plet_o-o- | *plet_i-e-

с неофонетической альтернативой, или дивергенцией, $t_o||t_i$; и с зарождающейся альтернативой $e[t_o]||e[t_i]$.

3) *ple_ot_o-o- | *ple_it_i-e-

с двумя дивергенциями, $t_o||t_i$, $e_o||e_i$ или же: *ple_ot- | *ple_it'- с традиционной альтернативой $t||t'$ и дивергенцией $e_o||e_i$.

В этот период происходит вообще постепенное накопление действий антропофонических тенденций.

Это в то же время — период индивидуальных колебаний, осцилляций, когда один индивид в соответствии со старым обычаем может еще сохранить альтернативу $plet-|plet'$, другой же может повиноваться сильным антропофоническим тенденциям и представлять в своем индивидуальном языке новую альтернативу $plot-|plet'$. Более того, от одного и того же индивида мы можем услышать один раз $plet-$, другой раз $plet'$, то есть один раз мы можем констатировать альтернативу $plet-|plet'$, другой же раз $plot-|plet'$. Важную роль при этом играет язык детей данного языкового общества.

4. Уже установившееся *plot- || *plet'- ($\Rightarrow plot-||ple\acute{c}-$) с палеофонетическими или традиционными альтернативами $t||t'$ ($\Rightarrow t||\acute{c}$), $o||e$, с зарождающейся (эмбриональной) альтернативой $l|o||l|e$.

5. Состояние коллизии между ощущением единства морфемы и впечатлением от ее внешнего вида. Вследствие этого появляется тенденция к устранению внешних различий, к униформизации фонетического вида морфем, в которых ощущается психическое единство, или имеет место использование фонетических различий в психических целях, то есть наступает такое состояние, когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением.

В нашем случае фонетическая альтернатива $t||\acute{c}$ ассоциируется с альтернативой определенных глагольных форм: $plot-q$, $plot-a|pleci-e$, $pleci-esz$, $pleci-emu$, $pleci-ecie$; с этой психической ассоциацией глагольных форм частично ассоциируется также другая фонетическая альтернатива, $o||e$, хотя ее психический характер значительно слабее, так что очень часто можно заметить тенденцию к выравниванию форм, то есть употребление форм $plete$, $pleto$ вместо $plote$ ($plot\acute{e}$), $ploto$ ($plot\acute{a}$).

Рассмотрим историю отдельных альтернатив в морфемах $plot-|ple\acute{c}-$.

Возьмем альтернативу $t||\acute{c}$.

В первой стадии она была эмбриональной (зарождающейся), $t[o] || t[e]$; во второй стадии стала дивергенцией, $t[o] || t, [e]$; в третьей стадии совершается переход из состояния дивергенции в состояние палеофонетической альтернации, $t || t, \Rightarrow t || t' [t]$, означает t с палатальностью, зависящей от соседства с последующей палатальной фонемой; t' же означает ту же самую фонему t , но с независимой, индивидуально присущей ей палатальностью]. В четвертой стадии палатальность увеличивается, так что наступает расщепление первоначальной фонемы на две, $t || t'$, и t' со временем превращается в $\acute{c}$. В пятой стадии традиционная альтернация $t || t' (\Rightarrow t || \acute{c})$ становится корреляцией, и этот характер присущ ей до настоящего времени.

Возьмем снова альтернацию $o || e$.

В первой стадии она была самое большое эмбриональной и оставалась таковой также во второй стадии. В третьей стадии эта альтернация переходит из эмбрионального состояния в состояние дивергенции, то есть $e e [t] || e [t, \Rightarrow O [t] || e [t']$. В четвертой стадии эта дивергенция становится палеофонетической или традиционной альтернативой. Наконец, либо в четвертой, либо в пятой стадии эта альтернация $o || e$ становится до некоторой степени психофонетической альтернативой, или корреляцией; в настоящее же время она уже, кажется, вышла из этого состояния и опять стала традиционной альтернативой, которая постепенно устраняется в результате тенденции к выравниванию фонетического вида морфем, ощущаемых как идентичные или по крайней мере как этимологически очень близко родственные.

Что касается эмбриональной альтернации $l[o] || l[e]$, то она стала таковой, по-видимому, уже в третьей или самое позднее в четвертой стадии, но до сих пор не утратила своего эмбрионального состояния.

Это постепенное развитие можно было бы показать также на других примерах. Опираясь на выводы из исследования ряда альтернатив в их историческом развитии, мы можем обобщить наши наблюдения в двух направлениях:

а) сначала мы даем общий обзор генетического развития альтернатив (в истории племенного языка);

б) затем мы более подробно рассматриваем, как подобный процесс происходит в отдельных звеньях языкового сообщества, то есть рассматриваем с точки зрения альтернатив индивидуальный язык, и прежде всего — язык детей.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ АЛЬТЕРНАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЙ В ПЛЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

(в языке целого языкового сообщества)

Все альтернации обязаны своим происхождением расщеплению единства на множество вследствие особых обстоятельств и общих причин.

Первоначальную причину каждой альтернации (первоначальный повод для каждой альтернации) всегда следует искать в различных антропофонических условиях, свойственных разным соединениям первоначально единой фонемы.

Вследствие антропофонических различий, которые свойственны фонеме, переходящей в состояние эмбриональной (зарождающейся) альтернации, в развивающихся из этой фонемы альтернантных эмбрионах возникают минимальные различия, минимальные как по их собственной объективно рассматриваемой величине, так и по силе впечатлений, производимых ими на членов данного языкового сообщества, а, как известно, от силы впечатления зависит также бо́льшая или меньшая сила запоминаемого образа.

Позднее, в исторической последовательности, это минимальное перестает быть минимальным; минимальные различия растут, усиливаются, становятся заметными с первого взгляда.

Усиление и возрастание различия происходит сначала под влиянием тех же условий, которые дали первый импульс к появлению минимальных различий, но это только до определенного времени; затем, позднее, фонемы, однажды аффицированные, однажды получившие чуждое им ранее свойство, начинают сами по себе спонтанно изменяться в определенном направлении. Таким образом, спонтанные изменения позднее занимают место первоначальных комбинационных, и зависимая неофонетическая альтернация, или дивергенция, становится антропофонически независимой, палеофонетической, традиционной альтернативой.

Но наряду с этой возможностью развития, наряду с возможностью, которая состоит в том, что эмбриональные, минимальные различия, возникшие под влиянием разных условий окружения, увеличиваются и становятся, наконец, индивидуальными, существует также другая возможность исчезновения минимальных различий, и именно одновременно с прекращением действия условий, вызывающих эти различия.

Итак, для устранения неофонетических альтернатив, будь то эмбриональных, будь то уже явно дивергентных, вполне достаточно прекращения причинной связи между различиями антропофонических разветвлений (модификаций) данной фонемы и разными условиями, вызывающими эти различия. В дальнейшем, однако, устранение неофонетической альтернации может совершаться двояким способом:

1) либо антропофонические различия альтернирующих между собой модификаций данной прафонемы совершенно не зависят от антропофонического влияния соответствующих условий, но в себе самих они не содержат ничего индивидуального и не закрепляются в памяти путем традиции (передачи) и языкового общения в целом;

2) либо наряду с зависимостью от условий антропофонического окружения развилась до некоторой степени также индивидуальная независимость приобретенных таким способом свойств и ео ipso передача этих свойств путем традиции и языкового общения в целом. Данная фонема подверглась столь сильной антропофонической аффекции, что свойства, возникшие этим способом, предлагаются нашему восприятию как нечто совершенно независимое и самостоятельное.

В первом случае вместе с прекращением зависимости, с прекращением функциональной связи исчезают также антропофонические различия вариаций (модификаций, разветвлений) данной фонемы, и эти эмбриональные вариации возвращаются к абсолютному единству. С устранением причин исчезают также их следствия.

Во втором же случае прекращение зависимости от антропофонических условий еще не устраняет свойств, приобретенных путем антропофонической аккомодации; напротив, вследствие уже укрепившейся индивидуальности этих приобретенных свойств, они, перестав быть функционально зависимыми, становятся исключительно индивидуальными, так что, с одной стороны, они объективно растут и усиливаются, с другой же стороны, производят все более сильное впечатление и все более закрепляются в памяти. Таким образом, эти свойства фонем, некогда развитые путем антропофонической аккомодации и приобретенные, становятся индивидуальными независимыми свойствами определенной фонетической части данных морфем в данных словах.

Это бессознательное запоминание индивидуальных свойств, поскольку оно имеет место в этимологически родственных морфемах, становится переходным звеном от категории дивергентов к категории традиционных альтернантов.

Итак, мы вступаем в область традиционных альтернатив, которые удерживаются путем языкового общения отдельных членов соответствующего языкового сообщества. Однако, хотя традиция является силой, поддерживающей альтернативные различия, переданные прежними поколениями, она все же недостаточна для обоснования причинности этих различий с точки зрения индивидуальных потребностей. И именно на этой почве у отдельных индивидов, а позднее даже у всех индивидов, принадлежащих к данному языковому сообществу, развивается ощущение недостатка *raison d'être*, а такое ощущение по самой природе вещей должно вступать в коллизию с традицией.

Несмотря на это, две причины поддерживают различие альтернирующих фонем, лишенное своего индивидуального *raison d'être*:

1) психическая причина, состоящая в том, что различия, не оправданные индивидуально, запечатлеваются в памяти не как тип, а именно индивидуально. Это имеет место в очень часто употребляемых, *par excellence* повседневных словах. Таковы, например, глаголы вроде *быть, есть, знать, давать...*, существительные *отец, мать...*, *глаза, уши, руки, ноги...*, местоимения *я, мне...*, *ты, тебе...*;

2) социологическая причина: сохранение различий, не оправданных индивидуально, облегчает взаимное понимание как между современниками, так и между предшествующими и последующими поколениями. Традиция выступает здесь как консервативный фактор, поддерживающий данное языковое сообщество в языковом единстве.

Но если индивидуальная потребность устранять различия, не оправданные ни антропофонически, ни психически, то есть устранять альтернации, которые не являются ни дивергенцией, ни корреляцией, одерживает верх над простой традицией, то происходит устранение излишних традиционных различий, и это устранение может происходить различным образом:

1) Ощущение этимологической связи морфем, содержащих альтернирующие фонемы, дает повод к фонетической ассимиляции этих морфем, то есть к униформизации (выравниванию) их фонетического вида. Но это происходит таким образом, что одна из модификаций данной морфемы, содержащая одну из альтернирующих фонем, становится господствующей и распространяется также на те случаи, где имеется другая модификация этой морфемы, с другой альтернирующей фонемой. Так, например, польск.

po-syłać | *po-seł* $\Rightarrow$ *po-seł-ać* | *po-seł* (посылать | посланник),
{*od-dych-ać* | *od-dech* $\Rightarrow$ *od-dech-ać* (диалектное) | *od-dech* (дышать | дыхание)),

głech-nać | *głuch-y* $\Rightarrow$ *głuch-nać* | *głuch-y* (глохнуть | глухой),
dzwięk | *dźwięcz-eć* $\Rightarrow$ *dźwięk* | *dźwięczeć* (звонок | звонить)...;

в русском наоборот:

звук | *звѣчатъ* $\Rightarrow$ *звук* | *звучать...*

Затем можно привести еще частичное выравнивание в польском:

<i>u-biór</i>	<i>u-bier-ać</i>	}	←	<i>u-bór</i>	<i>u-bier-ać</i>
<i>u-bior-u</i>	<i>z-bier-ać</i>			<i>u-bor-u</i>	<i>z-bier-ać</i>
<i>z-biór</i>	<i>z-bier-ać</i>			<i>z-bór</i>	<i>z-bier-ać</i>
<i>z-bior-u</i>	<i>z-bier-ać</i>			<i>z-bor-u</i>	<i>z-bier-ać</i>

Ср. с этим *z-bór*, *pa-bór*, *wy-bór.* ., *-bor-u.* . .

2) Теряется ощущение этимологической связи слов, в которых встречаются морфемы, содержащие альтернирующие фонемы, и

это ведет за собой лексическую дифференциацию, так что пара ранее этимологически родственных слов становится парой различных, этимологически совершенно чуждых слов, то есть слов, не ощущаемых говорящими индивидами в их этимологической связи; тем самым обогащается словарный запас данного языка. Таковы, например

польск. *część-ć* > < *kaśa-ć, kęś*, русск. *час-ть* > < *кис-ать*,
 польск. *po-czą-tek, -czyn-ać, -czn-ę* > < *koni-ec*; русск.
на-ча-ло > *кон-ец*,
 польск. *po-kój* > < *spo-czy-wać...*,
 » *bod-ę* > < *bad-am...*,
 » *wierci-eć* > < *wart-ki* > < *wars-twa* > < *wrzeci-ono* >
 < *wrot-a* > < *po-wrót, po-wrot-u...*,
 польск. *wodz-ić* > < *wad-a...*,
 польск. *po-czet* > < *część-ć* > < *czyt-ać* > < *za-c-ny...*,
 польск. *ciągnąć* > < *też-i* > < *ws-tąż-ka...*

Даже *jes-* (*jes-t...*) > < *s-* (*s-a*)... < *chodz-ić* > < *szed-ł, sz-ła...*
 в настоящее время являются двумя разными в фонетическом отношении корнями, связь между которыми поддерживается только семасиологической ассоциацией.

Осложнение альтернативных отношений данной морфемы способствует ее смешению с другими морфемами, ее аттракции другой этимологической группой морфем. Сюда относится, например, польск. *od-poczn-ę* | *od-po-czą-ć* | *od-po-czyn-ek...*, происшедшее из *od-po-czy-nę* | *od-po-czy-nąć* | *od-po-czy-n-ek...* и аттрагированное (притянутое), по крайней мере фонетико-морфологически, типом отношений *za-czn-ę, po-czn-ę* || *-czą-ć* | *-czyn-ać* | | *za czyn-*, *roz-czyn-...*; *rzn-gć* | *rzn-ę* | *-rzn-ać...*; происшедшее из *řz-nąć* (*rzz-nąć*) | *řz-nę* | *rzez-ać* ($\leq$ *rzaz-ać*) и аттрагированное типом: *ż-a-ć* $\Rightarrow$ *żn-ać* | *żn-ę* | *żyn-ać*.

3) Наконец, третьим средством устранения альтернативных различий, утративших свое индивидуальное *raison d'être*, является использование этого различия в психических целях, то есть для соединения (ассоциации) фонетических оттенков (нюансов) с морфологическими, соответственно семасиологическими. Таким путем возникают психофонетические альтернативы, или корреляции, к которым каждый индивид, принадлежащий к данному языковому сообществу, должен приходить самостоятельно, путем своей собственной психической работы, путем кумулирования и обобщения отдельных ассоциаций.

Независимо от субъективного ощущения в языке могут существовать типы форм, переданных по традиции и различаемых семасиологически постоянным и одинаковым способом; например, в польском *nog-a, ręk-a* | *nóż-ka, rącz-ka...*; *pi-ć, gni-ć* | *paj-ić, gnoj-ić...*; *tok-, bok-* | *tocz-yć, bocz-yć się...*; *po-mog-ę, chodz-ę, mocz-ę, robi-ę* | *po-mag-am, chadz-am, macz-am, rabi-am...*;

gniot-ę, miot-ę | gniat-am, miat-am...; sł-ać, tk-ać | sył-ać, tyk-ać...; u-br-ać, wy-pr-ać | u-bier-ać, wy-pier-ać...; u-mrz-cé; wy-prz-eć, wy-trz-eć | u-mier-ać, wy-pier-ać, wy-cier-ać...

Итак, если в душе говорящего индивида образовалась прочная связь, прочная ассоциация между отношением фонетической структуры подобных слов и отношением их смысловых оттенков, то традиционная альтернатива со ipso превращается в корреляцию, и данный индивид обогащает тем самым запас своих психофонетических средств, служащих для выражения морфологических и семасиологических оттенков.

Но несмотря на все эти постоянно повторяющиеся усилия устранить нерациональные, то есть ни антропофонически, ни психически не оправданные фонетические различия, в языке может оставаться значительный и количественно сильный осадок именно таких различий, которые передаются только по традиции, не нарушая смысловой связи между отдельными разновидностями, то есть осадок таких различий, которые образуют основу палеофонетических, или традиционных, альтернатив. Здесь достаточно указать на польское sen | snu, dzień | dni-a, wiedzi-e | wiód-ł | wieś-ć | wy-wod-u | wy-wód | wodz-ę | wodz-i | wódź | wódz... ś-mier-ć | mar-twy | -mor-u | -mór | u-mier-a... br-ać | -bier-ać | bierz-e | wy-bor-u | wy-bór | wy-borz-e... wrzeci ono | po-wrot-u | po-wrót | wróc-ę | wróc-i | wrac-a | wierz-i | wart-ki...

Этот осадок, с одной стороны, постоянно уменьшается вследствие указанных выше изменений по трем направлениям, а с другой стороны, постоянно растет путем перехода в категорию традиционных альтернатив не только бывших дивергенций, но и бывших корреляций.

Стремление устранять различия, не оправданные индивидуальной причинностью, распространяется на обе группы традиционных альтернатив, то есть как на группу альтернатив дивергентного происхождения, так и на группу альтернатив коррелятивного происхождения. Однако, если альтернативы, подлежащие устранению, принадлежат ко второй группе, то есть если они утратили свойственную им ранее психофонетическую связь и являются, следовательно, альтернативами с угасшей психической причинностью, то речь может идти только о первых двух способах устранения, то есть или о фонетической ассимиляции морфем, о выравнивании (униформизации) их фонетического вида, или об утрате ощущения этимологической связи слов, морфемы которых содержат альтернирующие фонемы. Третий способ, то есть воскрешение психофонетического характера традиционных альтернатив коррелятивного происхождения, встречается, пожалуй, чрезвычайно редко.

Итак, традиционные альтернативы с точки зрения их происхождения могут быть двух видов:

1) палеофонетические альтернативы с угасшей антропофонической причинностью,

2) палеопсихические альтернации с угасшей психофонетической причинностью.

Наконец, как те, так и другие со временем могут либо быть устранены посредством выравнивания морфем, содержащих данные фонемы

$$\begin{aligned} & \text{(будь то } x' \parallel x'' \Rightarrow x' \parallel x' \\ & \text{будь то } x' \parallel x'' \Rightarrow x'' \parallel x''), \end{aligned}$$

либо совершенно утратить альтернационный характер и, вследствие расщепления морфем, ранее представлявших собой лишь фонетические модификации (вариации) одной основной морфемы, на две особых, более не ощущаемых в этимологической связи морфемы, перейти в категорию пережиточных (рудиментарных) альтернаций

$$(x' \parallel x'' \Rightarrow x' > < x'').$$

Но так как мы здесь постоянно имеем дело с живым ощущением психической ценности (психической значимости) фонетических явлений, и так как это ощущение, зависящее от индивидуальных свойств всех членов данного языкового сообщества, становится то слабее, то сильнее, то мы должны принять целую шкалу сомнительных и переходных состояний, напоминающих гаснущую лампу, пламя которой то угасает, то опять становится видимым.

Из этого моря бесчисленной массы сомнительных переходных состояний выделяются три отчетливых класса альтернаций, рассмотрению которых посвящены главы 3, 4 и 5:

Традиционные альтернации, которым свойственна причинность чисто социального характера (передача по наследству и общение); они являются либо палеофонетическими, либо палеопсихическими (которые в конце концов также можно свести к палеофонетическим) (5-я глава).

Неофонетические альтернации или дивергенции, характеризующиеся присутствием индивидуальной антропофонической причинности, в отличие от двух других классов, у которых эта причинность отсутствует (3-я глава).

Психофонетические альтернации, или корреляции, с индивидуальной психической причиной, в противоположность двум другим классам, у которых такая причина отсутствует (4-я глава).

С точки зрения их последовательности в истории языка эти классы могут быть перечислены в таком порядке:

1) Дивергенции с живым физиологическим фактором, с индивидуально-антропофонической связью, с еще сохранным первоначальной причинностью всякой альтернации:

$$\begin{aligned} & x = f(\varphi) \\ & x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') \\ & x' \dots \varphi' \parallel x'' \dots \varphi'' \end{aligned}$$

[Примеры: $d \parallel t$ в *wod-a* | *wód-ka*, $s \parallel z$ в *proś-ić* | *proś-ba*, $i_2(y) \parallel i_1(i)$ в *słom-y* | *ziem-i...*].

2) П а л е о ф о н е т и ч е с к и е, или т р а д и ц и о н н ы е, а л ь т е р н а ц и и с постоянно действующим социальным фактором, с коллективно-социальной причинной связью, с устраненной первоначальной антропофонической причинностью всех альтернатив:

$$x = f(\pi)$$

$$x' \parallel x'' = f(\pi)$$

[Примеры: $p \parallel p'$, $t \parallel t'$, $ar \parallel er$ в *na-parst-ek* | *pierści-eń*; $t \parallel l$, $o \parallel e$ в *czoł-o* | *czel-e...*].

3) К о р р е л я ц и и с живым психическим фактором, с индивидуально-психической причинной связью, с вторично развитой психической причинностью:

$$x = f(\psi)$$

$$x' \parallel x'' = f(\psi' \parallel \psi'')$$

$$x' \dots \psi' \parallel x'' \dots \psi''$$

[Примеры: $o \parallel a$ в *chodz-ić* | *chadz-ać*, *trwoż-y-ć* | *trważ-ać...*, $s \parallel ch$ в *włos* | *włoch*, *klus-ki* | *kluch-y...*].

В зависимости от того, на какой почве развилась первоначальная антропофоническая причинность, уже устраненная в данную эпоху языковой жизни, традиционные альтернативы распадаются на два класса:

а) альтернативы в н у т р и я з ы к о в ы е, развившиеся на почве языка данного языкового сообщества,

б) и н о я з ы ч н ы е, возникшие под влиянием другого языкового сообщества либо путем межнационального языкового общения, либо через посредство письма.

С точки зрения перехода от прежнего альтернативного состояния к современному мы различаем два класса традиционных альтернатив:

а) некоторые из них развились непосредственно из д и в е р г е н ц и й,

б) другие же являются продолжением к о р р е л я ц и й; они перешли из категории корреляций в категорию традиционных альтернатив как образования, уже лишенные своей психической функции.

В экс-альтернативах (то есть альтернативах, лишенных всякого альтернативного характера), можно различать три класса:

а) одни происходят непосредственно из дивергенций;

б) другие, до того, как они были устранены, проделали только две явных альтернативных эволюции: дивергенции и традиционные альтернативы;

в) наконец, третьи до своего исчезновения проделали целых четыре явных эволюции: дивергенции, традиционные альтернативы,

корреляции в соединении с традицией и, наконец, опять чисто традиционные альтернации.

В корреляциях мы можем различить прежде всего две главные ступени напряжения их психического характера:

на одной, высшей ступени, ассоциация фонетических вариантов (модификаций) с психическими нюансами (оттенками) является действительной (активной) и творческой, то есть она содействует образованию новых альтернативных пар по определенному живому типу [например, $o \parallel a$ в польских глаголах $nos-i-ć \mid nasz-ać \dots$];

на второй же, низшей ступени, хотя и существует ассоциация фонетических вариантов с психическими нюансами, но она не настолько сильна, чтобы сделать возможным возникновение новообразований по данному типу; это, следовательно, ступень психофонетической слабости и пассивности [напр.: $i \parallel o$ в $pi-ć, gpi-ć \mid po*j*-ić, gno*j*-ić \dots$].

Между этими двумя ступенями имеется целый ряд переходных состояний.

Выше мы видели, что свойственный простым традиционным альтернациям традиционный характер находится в постоянной коллизии с тенденцией к устранению фонетических различий, не оправданных ни физиологически, ни психически, и что в случае, если эти индивидуальные тенденции одерживают верх, либо традиционные альтернации приобретают психофонетический характер и становятся корреляциями, либо происходит фонетическое выравнивание альтернирующей пары.

Однако подобные коллизии могут иметь место также в области корреляций. Например, в русской корреляции $k \parallel \check{s}$ в таких глаголах, как *пек-ѹ, толк-ѹ* | *печ-ѣш, толч-ѣш* . . ., можно заметить коллизию, которая в конце концов ведет к превращению корреляции $k \parallel \check{s}$ в повую, $k \parallel k'$ [*пек-ѹ, толк-ѹ* | *пек-ѣш, толч-ѣш*].

Если рассматривать альтернирующие фонемы, $k \parallel \check{s}$, как неделимые единства, то следовало бы сказать, что здесь нет никакой коллизии и что корреляция $k \parallel \check{s}$, образующая замкнутое в себе целое, не должна преобразовываться, а должна оставаться такой, как есть, пока не исчезнет наконец ее психофонетический характер, чтобы уступить место простой традиции. Но если мы разложим фонемы на их артикуляционные компоненты и посмотрим на эти глагольные типы с более широкой точки зрения, то неизбежным будет вывод, что корреляция $k \parallel \check{s}$ нарушает гармонию типа и что только альтернатива $k \parallel k'$ удовлетворяет ей, так как она образована совершенно тем же способом, что и другие частичные альтернации, $b \parallel b'$ (*зреб-ѹ* | *зреб-ѣт* . . .), $d \parallel d'$ (*вед-ѹ* | *вед-ѣт* . . .), $s \parallel s'$ (*нес-ѹ* | *нес-ѣт* . . .) и так далее, которые можно подвести под общую альтернативу

$PO \parallel PY$

(где *PO* обозначает отсутствие палатальности, или «твердость» согласного, а *PY* наличие палатальности, или «мягкость» согласного).

Это обобщение русских корреляций в области названного выше глагольного типа совершается как раз сейчас в разных великорусских диалектах. А значительно ранее оно происходило, например, в притяжательных прилагательных, выполнявших прежде всего функцию патронимики, а затем также фамилий, вроде *сўкин сын*, *Сўк-ин*, *Собáк-ин*, *Кóвшк-ин*, *Сипяг-ин*, *Мўх-ин*, где старая корреляция $k \parallel \check{c}$, $g \parallel \check{z}$, $x \parallel \check{s}'$ [*сўк-а* | *сўч-ин*, *Сипяг-а* | *Сипягс-ин*, *мўх-а* | *мўш-ин*. . .] уступила место новой, $k \parallel k'$, $g \parallel g'$, $x \parallel x'$, по образцу целого ряда других частичных альтернатив того же общего типа, $b \parallel b'$, $d \parallel d'$, $s \parallel s'$ [*рýб-а* | *Рýб-ин*, *Марýд-а* | *Марýд-ин*, *Плáкс-а* | *Плáкс-ин*. . .].

Мы видим здесь, как коррелятивность описывает все более широкие круги, как частичные корреляции поглощаются корреляциями более общего характера, как это обобщение корреляций увеличивает их силу и напряжение.

Но так как нет ничего вечного в области форм, и так как возникшие формы должны однажды исчезнуть, то это полностью применимо и к корреляциям, хотя бы и самым четким, самым сильным.

Поглотив целые ряды частичных корреляций, ассимилировав их и достигнув тем самым высшей ступени силы и определенности, эти общие корреляции со временем должны постепенно лишиться своей силы, и, наконец, совсем утратить свой психофонетический характер и перейти в состояние традиционности, то есть стать простыми традиционными альтернативами, чтобы однажды окончательно исчезнуть и раствориться в огромном множестве экс-альтернатив, или угасших альтернатив.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛЬТЕРНАЦИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ, И В ОСОБЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ ДЕТЕЙ

Язык не может быть унаследован; можно унаследовать только способность к овладению языком вообще и, затем, склонности к некоторым определенным направлениям изменений, совершающихся в структуре языка. Наследственность является биологическим фактором, тогда как каждый индивид приобретает язык путем социального общения. Несмотря на это, нужно прибегнуть именно к наследственности, чтобы объяснить постоянство происходящих в языке исторических изменений, и именно следующим образом: самые радикальные изменения совершаются во всякое время в языке детей данного языкового сообщества. Глубже всего идут фонетические изменения, выравнивание форм и т. п. В дальнейшем дети постепенно возвращаются к языковому состоянию взрослых,

но известная часть изменений, совершившихся в их детском языке, может остаться и в дальнейшем в их индивидуальном языке и, что важнее всего, склонности к таким изменениям, хотя они и возникают у следующего поколения сами собой, спонтанно, переходят к этому поколению путем наследственности. Собираясь или накапливаясь и усиливаясь в ряде поколений, эти изменения, наконец, становятся настолько сильными, что окончательно укрепляются в языке.

При альтернативах речь идет прежде всего о накоплении, или кумуляции фонетических тенденций путем наследственности и о постепенном усилении их.

Так как каждый индивид приобретает язык самостоятельно благодаря своей собственной работе, то и альтернативы так же должны развиваться каждым индивидом самостоятельно.

В процессе постепенного усвоения языка ребенок проходит различные стадии: сначала он ничего не понимает; затем он начинает понимать язык окружающих, но еще не умеет говорить, то есть он находится в состоянии аудиции и пассивной языковой перцепции; наконец, он начинает говорить сам, становится деятельным в языковом отношении, и не только посредством аудиции и перцепции, но и посредством фонации. Само собой разумеется, что языковая церебрация, или языковое мышление, однажды придя в движение, образует постоянную основу приобретения индивидуального языка.

В самом начале этого процесса, когда ребенок только начинает немного понимать язык окружающих, ни о каких альтернативах еще не может быть речи. Альтернативы развиваются только позднее. Во всяком случае, пары фонем, входящих в состав морфем и слов, уже понятых ребенком и образующих в языке окружения альтернативные пары, с точки зрения этого ребенка можно назвать эмбриональными, или зарождающимися (первоначальными), альтернативами.

На той ступени, когда дети еще не начали говорить на данном языке, но уже отдают себе отчет в его особенностях и понимают его в пределах, доступных их собственному разуму, то есть когда эти дети находятся в состоянии уже развитой аудиции и перцепции, но еще без фонации, на такой ступени, естественно, не может быть речи о неофонетических альтернативах, или дивергенциях, так как они зависят от собственного, индивидуального произношения. Имеются ли уже тогда корреляции, или психофонетические альтернативы, — это зависит от индивидуальности данного ребенка, от его большей или меньшей психической подвижности и живости. Во всяком случае, в самом начале этой ступени развития корреляций не существует вовсе; они еще только должны образоваться, должны развиваться из традиционных альтернатив в силу необходимых ассоциаций. Но простые традиционные альтернативы, очевидно, существуют в языке ребенка на ступени

аудиции и перцепции, ибо ведь различие фонетических модификаций (разновидностей) морфем, ощущаемых в их этимологической связи, развивается сразу само собой. Поэтому и четкие различия дивергентов, или неофонетических альтернантов, производят тогда определенное впечатление и отражаются в памяти свойственной им традиционной стороной. Так, например, до того, как ребенок начинает воспроизводить в своем собственном произношении дивергенцию $d \parallel t$ в польском $bioda \mid bródka$ и других, он уже замечает антропофоническое различие между выполнением той и другой фонемы. И именно таким образом к неофонетическим альтернациям, или дивергенциям, присоединяется также традиционный элемент, то есть в племенном языке (в языке целого языкового сообщества) зависимость

$$x' \parallel x'' = f (\varphi' \parallel \varphi'')$$

превращается в зависимость

$$x' \parallel x'' = f (\varphi' \parallel \varphi'') + f (\pi).$$

Если ребенок, подражая языку окружающих, уже начинает говорить сам, он перенимает от них также и свойственные им альтернации. Неофонетические альтернации, или дивергенции, возникают также независимо от подражания, независимо от социального языкового общения, так как необходимость их возникновения заключается, с одной стороны, в строении органов речи, а с другой стороны, в тенденциях, приобретенных путем наследственности. При этом возможны индивидуальные колебания: одни дети развивают дивергенции в значительно большей степени, чем другие. Однако всем детям свойственна тенденция к развитию дивергенций в значительно большей степени, чем это имеет место в языке взрослых, в нормальном языке данного языкового сообщества. То, что в последнем еще дремлет в эмбриональном состоянии, в языке детей может достичь заметных размеров, видимых с первого взгляда. Различные условия соединений единой фонемы здесь быстро приводят к определенным результатам при расщеплении этой фонемы на две или более; существующие антропофонические причины действуют в языке детей значительно сильнее, чем в языке взрослых и также гораздо легче вызывают действия, соответствующие этим причинам.

Короче говоря, дети опережают развитие языка как в отношении его фонетической и морфологической стороны, так и в области альтернаций, предсказывая те явления, которые со временем должны стать постоянным свойством всего племенного языка.

Во всяком случае, язык детей обладает значительно большим количеством неофонетических альтернаций, или дивергенций, чем нормальный племенной язык. Что же касается корреляций, или психофонетических альтернаций, то их в языке детей меньше, чем в нормальном племенном языке. Однако не следует забывать

в высшей степени свойственную детскому языку корреляцию, которая состоит в альтернировании палатальных согласных с непалатальными для различения ласкательности и неласкательности:

$PY \parallel PO$ ($d' \parallel d$, $s' \parallel s$, $l' \parallel l$ ..).

По мере приближения детского языка к языку взрослого окружения ребенок делает шаг назад в области альтернатив, утрачивая варианты (модификации), слишком далеко зашедшие вперед, и заменяя, например, состояние четкой дивергенции состоянием эмбриональной альтернативы и так далее.

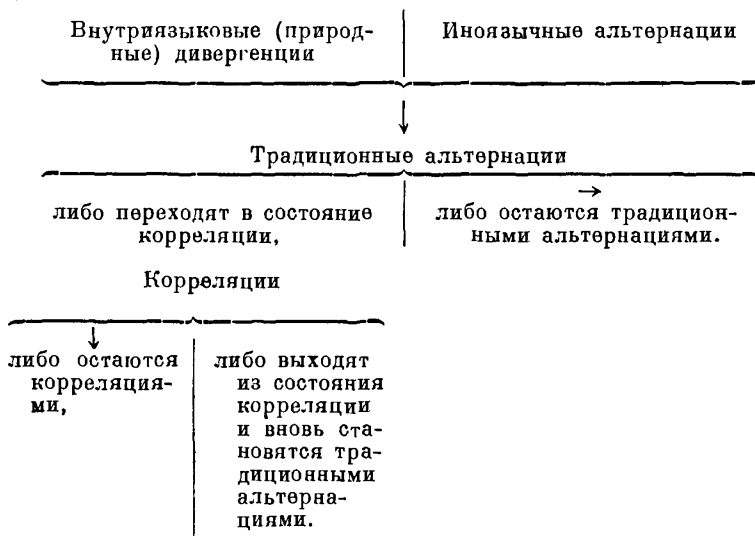
Рассмотрев несколько подробнее, хотя и недостаточно точно, способ возникновения и преобразования различных альтернативных состояний в языке детей, представим еще раз, но теперь уже в сокращенном виде, только схематично, в таблицах и формулах,

Историческую последовательность различных альтернативных состояний и переход одного состояния в другое в языке целого языкового сообщества.

I. Дивергенции: распространяются на весь язык, но возникают спонтанно, «сами собой», путем антропфонической аккомодации. Каждому периоду языковой жизни присущи свои дивергенции, хотя имеются также дивергенции общечеловеческие, вечные.

II. Корреляции возникают из традиционных альтернатив.

III. Традиционные альтернативы возникают либо из одноязычных дивергенций, либо из иноязычных традиционных альтернатив.

II—III. Фонемы, в которых выражаются традиционные альтернации — просто традиционные, а также традиционно-психофонетические (корреляции) — должны одновременно подчиняться дивергенционным или антропофоническим требованиям данного периода языковой жизни.

История альтернатив, выраженная в формулах, точнее говоря, в скелетах формул.

- Пусть x означает фонему вообще,
 x', x'' — различные видоизменения первоначально единой фонемы или альтернирующие фонемы, которые отличаются друг от друга различными нюансами (оттенками),
 f — зависимость, причинную связь,
 F — высшую ступень нарастания зависимости,
 d — переменное (варьирующее) фонетическое различие альтернирующих фонем,
 Δ — известное константное (постоянное) или определенное различие альтернирующих фонем,
 λ — слово с альтернирующей фонемой вообще,
 λ', λ'' — слова, в состав которых входят альтернирующие фонемы,
 μ — морфему с альтернирующей фонемой вообще,
 μ', μ'' — видоизменения (модификации) единой морфемы, которая содержит альтернирующие фонемы,
 ν, ν', ν'' — другие морфемы того же слова,
 φ — антропофоническую причинность, антропофонические условия вообще,
 φ', φ'' — различные антропофонические условия, от которых зависит дивергенция, или психофонетическая альтернатива,
 ψ — психическую причинность вообще, психический нюанс (оттенок) вообще, значение,
 ψ', ψ'' — различные психические нюансы, закрепляющиеся за корреляцией или психофонетической альтернативой,
 π — традицию (передачу) и языково-социальное общение в целом,
 Π — некоторое определенное возрастание традиции и языково-социального общения в целом,
 $\parallel$ — альтернативу вообще,
 $> <$ — устранение альтернативы, отсутствие альтернативы,
 $\Rightarrow$ — переход, изменение предшествующего в последующее,
 $\rightarrow$ — направление.

С помощью этих знаков

а) скелет формулы для дивергенции принимает вид:

$$\begin{aligned}
 x &= f(\varphi), \\
 x' \parallel x'' &= f(\varphi' \parallel \varphi''), \\
 x' \dots \varphi' \parallel x'' \dots \varphi'';
 \end{aligned}$$

б) скелет формулы для корреляции выглядит так:

$$\begin{aligned}x &= f(\psi), \\x' \parallel x'' &= f(\psi' \parallel \psi''), \\x' \dots \psi' &= x'' \dots \psi'';\end{aligned}$$

в) наконец, скелет формулы для традиционных альтернатив принимает следующий вид:

$$\begin{aligned}x &= f(\pi), \\x' \parallel x'' &= f(\lambda' \parallel \lambda''), \\x' \dots \lambda' \parallel x'' \dots \lambda''.\end{aligned}$$

Взаимную же генетическую связь отдельных классов альтернатив, как и их историческую последовательность, можно выразить следующим образом⁶:

1) В эмбриональном состоянии

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi''),$$

причем $d(x' - x'') = 0$,

но 0 с тенденцией к возрастанию, к усилению, 0, который в языке детей принимает определенную величину Δ :

$$d(x' - x'') = \Delta.$$

2) Из этого состояния возможны два выхода:

$$\text{либо } \varphi' \parallel \varphi'' \Rightarrow \varphi' > < \varphi'',$$

то есть антропофонические условия теряют способность вызывать альтернативу, и в таком случае эмбриональная альтернатива гаснет в зародыше:

$$x' \parallel x'' \Rightarrow x;$$

3) либо

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'')$$

---

⁶ При этом иноязычные альтернативы оставлены в стороне. Но этот пробел нетрудно восполнить. Иноязычные альтернативы развиваются в другом языке тем же самым образом, что и внутриязыковые природные альтернативы в том языке, анализом которого мы занимаемся: они начинаются там с эмбрионального состояния, переходят сначала в состояние дивергенции, затем в состояние традиционности, которая вначале является простой, а позднее (в некоторых случаях) бывает связана с коррелятивностью или психофонетичностью. В одном из этих последних состояний, то есть или в состоянии простой традиционности, или в состоянии коррелятивности, они заимствуются тем языком, альтернативы которого мы рассматриваем в данный момент, и этот язык поступает с ними свойственным ему образом. Наконец, возможно возникновение иноязычно-внутриязыковой альтернативы, где один член заимствован из иного языка, другой же вырос на почве родного языка; однако и к такой альтернативе полностью применимо то, что будет развито ниже.

растет, усиливается и укрепляется, так что

$$d(x' - x'') = \Delta$$

находит применение во всей области данного языка, в языке целого языкового сообщества, у всех индивидов, говорящих на данном языке. Это состояние чистой дивергенции или неофонетической альтернатики.

4) Это состояние

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'')$$

постепенно изменяется в

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') + f(\pi),$$

где

$$\pi = 0 \leftrightarrow \Pi,$$

то есть, где сила традиции колеблется между нулем, 0, и некоторым определенным напряжением Π ; предел ослабления традиции здесь — 0.

Мы здесь имеем дело, по-видимому, с колеблющимся состоянием, при котором для данных индивидов соответствующая альтернатива является чисто неофонетической, или антропофонической,

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'');$$

у других индивидов она уже приобретает также признак традиционности:

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') + f(\Pi);$$

наконец, у третьих она колеблется между тем и другим, являясь то

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi''),$$

то снова

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') + f(\pi),$$

где π имеет переменное значение, то возрастающее (увеличивающееся), то уменьшающееся.

5) Наконец, утверждается состояние

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') + f(\pi),$$

где

$$\pi = \Pi,$$

то есть возникает дивергенция, или неофонетическая альтернатива, которая поддерживается одновременно и традицией, и социально-языковым общением в целом.

6) Но

$$f(\varphi' \parallel \varphi'')$$

начинает ослабевать и переходить в состояние колебания, осцилляции между F и 0, где F означает высшую степень возрастания зависимости, а 0 — полное исчезновение зависимости:

$$f(\varphi' \parallel \varphi'') = F \leftrightarrow 0.$$

В таких обстоятельствах данная альтернатива то сохраняет тот и другой характер как антропофонический (неофонетический), так и традиционный, то снова утрачивает первый из них, ограничиваясь вторым, традиционным. Другими словами: данная альтернатива появляется то как антропофонически-традиционная, как традиционная дивергенция, то как простая традиционная альтернатива, колеблясь между состоянием

$$x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') + f(\pi)$$

и

$$x' \parallel x'' = f(\pi).$$

7) В конце концов, у каждого индивида данного языкового сообщества

$$f(\varphi' \parallel \varphi'') = 0,$$

то есть антропофоническая зависимость данной альтернативы редуцируется до нуля (0), исчезает. И тогда

$$x' \parallel x'' = f(\pi).$$

Но поскольку фактор традиции и социально-языкового общения в целом (обозначаемый здесь π) является единым и в качестве такового неделимым понятием, то мы можем только путем подстановки вместо него какого-нибудь эквивалента, разложимого на альтернирующие между собой части, объяснить сохранение фонетической альтернативы. Таким разложимым эквивалентом является ассоциация с формами или словами, в состав которых входят альтернирующие фонемы, так что π будет обозначать именно эту ассоциацию, а $f(\pi)$ превратится в $f(\lambda' \parallel \lambda'')$.

Итак, мы получаем

$$x' \parallel x'' = f(\lambda' \parallel \lambda'').$$

Но так как обычно

$$\lambda = \mu + \nu,$$

то, следовательно,

$$\lambda' \parallel \lambda''$$

разлагается на

$$\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'',$$

и

$$x' \parallel x'' = f(\lambda' \parallel \lambda'')$$

превращается в

$$x' \parallel x'' = f(\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'').$$

8) Из этого альтернативного состояния три пути ведут по трем разным направлениям:

Либо в отдельных формах при нетипичных альтернативах добавочные морфемы v' , v'' придают совершенно особый отпечаток единствам

$$\mu' + v', \mu'' + v'',$$

так что эти единства начинают ощущаться как совершенно разные слова, и

$$x' \parallel x'' = f(\mu' + v' \parallel \mu'' + v'')$$

превращается просто в

$$\begin{aligned} x' > < x'' \dots \mu' + v' > < \mu'' + v'', \\ \mu' (x') + v' > < \mu'' (x'') + v'', \end{aligned}$$

что ведет, очевидно, к обогащению словарного запаса соответствующего языка [напр., польск. $ka\check{s}-a\acute{c} > < czę\acute{s}-\acute{c}, se-n-a >$ $< czy-t-a\acute{c}, w-styd > < studz-i\acute{c}, н.-в.-н. b-ang-e > < eng... >$].

9) Либо единство значения, ψ , свойственное обоим разновидностям, содержащим альтернирующие фонемы, снова одерживает верх над альтернативой представлений различных фонетических образов

$$\begin{aligned} & \lambda' \parallel \lambda'' \\ \text{или} & \mu' + v' \parallel \mu'' + v'', \end{aligned}$$

и эта победа психологического единства ψ над расщеплением

$$\lambda' \parallel \lambda''$$

должна вызвать тенденцию к устранению альтернативных различий посредством ассимиляции. Другими словами: единство значения, свойственное обоим разновидностям морфемы μ , как разновидности μ' , так и разновидности μ'' ,

$$\mu' \parallel \mu'',$$

одерживает верх над различием, которое придается слову другими морфемами,

$$v' \parallel v'',$$

связанными с этими разновидностями, так что различие между μ' и μ'' , как и различие между x' и x'' ; утрачивает всякий *raison d'être*, всякое психическое оправдание, и

$$\mu' \parallel \mu'' \Rightarrow \mu.$$

Но так как в μ' содержится x' , а в $\mu'' - x''$, то само собой понятно также, что

$$x' \parallel x'' \Rightarrow x$$

{ точнее:

$$\begin{aligned}\mu' \parallel \mu'' &\Rightarrow \mu' \parallel \mu' = \mu', \\ x' \parallel x'' &\Rightarrow x' \parallel x' = x',\end{aligned}$$

или

$$\begin{aligned}\mu' \parallel \mu'' &\Rightarrow \mu'' \parallel \mu'' = \mu'', \\ x' \parallel x'' &\Rightarrow x'' \parallel x'' = x'',\end{aligned}$$

что в конце концов сводится к одному и тому же}, то есть путем морфологически-фонетической ассимиляции происходит фонетическое выравнивание фонетически дифференцированных морфем вообще, и в частности, выравнивание альтернирующих фонем, которые входят в состав этих морфем.

[Польск. $czo\dot{\lambda}$ -o | $czel$ -e $\Rightarrow$ $czo\dot{\lambda}$ -o | $czol$ -e,
sian-o | $sieni$ -e $\Rightarrow$ sian-o | $siani$ -e,
bier-ę | $bierz$ -e $\Rightarrow$ bier-ę | $bierz$ -e,
głuch-y | $głech$ -nąć $\Rightarrow$ $głuch$ -y | $głuch$ -nąć,
dźwięk | $dźwięcz$ -eć $\Rightarrow$ $dźwięk$ — $dźwięcz$ -eć. . .]

10) Либо, наконец, психическое различие

$$\psi' \parallel \psi'',$$

свойственное сочетаниям

$$\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'',$$

то есть $[\mu' + \nu']\psi' \parallel [\mu'' + \nu'']\psi''$,
постоянно ассоциируется с различием

$$x' \parallel x'',$$

и вследствие этого мы получаем корреляцию

$$x' \parallel x'' = f([\mu' + \nu']\psi' \parallel [\mu'' + \nu'']\psi''),$$

а эта последняя разлагается на

$$x' \parallel x'' = f(\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'') + f(\psi' \parallel \psi''),$$

где $x' \parallel x''$ соответствует как $f(\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'')$, так и $f(\psi' \parallel \psi'')$.

11) Поскольку к развитию

$$x' \parallel x'' = f(\psi' \parallel \psi'')$$

каждый индивид должен приходить самостоятельно, своими собственными силами, поскольку в результате этого связь

$$x' \parallel x'' = f(\psi' \parallel \psi'')$$

находится в состоянии непрерывного колебания, так что выражению

$$f(\psi' \parallel \psi'')$$

мы должны приписать переменную значимость с пределами 0 (нуль) и F ,

$$f(\psi' \parallel \psi'') = 0 \leftrightarrow F$$

[где F означает высшую ступень возрастания этой зависимости], поскольку далее, в начале появления этой зависимости,

$$f(\psi' \parallel \psi''),$$

она бывает еще слабее, в общем ближе к нулю, чем к величине F , и впоследствии растет (увеличивается) в ряде поколений и наконец достигает кульминационного пункта F ,

но поскольку упомянутое колебание никогда не прекращается,

и поскольку в таких условиях эта причинная связь, достигнув кульминационного пункта, должна отступить и со временем постепенно ослабнуть, то в конце концов

$$f(\psi' \parallel \psi'') \text{ превращается в } 0,$$

а связь

$$x' \parallel x'' = f(\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu'') + f(\psi' \parallel \psi'')$$

возвращается к прежней связи простой традиционной альтернативы,

$$x' \parallel x'' = f(\mu' + \nu' \parallel \mu'' + \nu''),$$

или, в более общем выражении,

$$x' \parallel x'' = f(\pi).$$

12) Такая связь со временем должна пойти по одному из указанных выше путей, на которые вступают традиционные альтернативы, то есть превратиться либо в

$$\mu'(x') + \nu' > < \mu''(x'') + \nu'',$$

либо снова в

$$x' \parallel x' = x'$$

respective $x'' \parallel x'' = x''$.

Третий путь, то есть возврат к связи

$$x' \parallel x'' = f(\psi' \parallel \psi''),$$

уже невозможен.

Первый путь, то есть выраженное в формуле

$$\mu'(x') + \nu' > < \mu''(x'') + \nu''$$

исчезновение альтернативной связи, образует переход к состоянию пережиточной (рудиментарной) альтернативы, к состоянию экс-альтернативы: фонетические различия, правда, сохранились, но альтернативный характер этих различий, их этимологическая связь перестала существовать.

Второй же путь, то есть устранение фонетических различий посредством ассимиляции, устранение, результат которого выражается в виде

$$\begin{array}{l} \text{respective} \\ x' \parallel x' = x', \\ x'' \parallel x'' = x'', \end{array}$$

равно полному стиранию всяких следов альтернативного характера.

Такая судьба ожидает со временем альтернативы любого вида, только исчезновение их может происходить на разных стадиях их развития. Подобно тому, как люди и другие живые существа могут погибнуть в разном возрасте, от эмбрионального состояния и до глубокой старости, так и альтернативные отношения могут исчезать в различных стадиях их развития. Но на разных стадиях бывают обычно разные способы устранения; по крайней мере, можно заметить, что в самом начале разнообразие путей устранения меньше, чем впоследствии.

Как эмбриональные альтернативы, так и дивергенции, то есть антропофонические альтернативы, лишённые полностью традиционного характера, могут устраняться только одним единственным способом:

$$\begin{array}{l} x' \parallel x'' = f(\varphi' \parallel \varphi'') \\ \Rightarrow x \parallel x = x. \end{array}$$

Традиционные же, или палеофонетические, альтернативы, — возникли ли они из нефонетических альтернатив или дивергенций, разумеется, через посредство дивергенции в связи с традиционностью, или имеют более богатую историю, то есть прошли стадии простой дивергенции, дивергенции, связанной с традиционностью, простой традиционности, традиционности, связанной с коррелятивным, или психофонетическим, характером и, наконец, снова простой традиционности, — такие альтернативы обычно устраняются обоими названными выше способами, как посредством $\mu' (x') + \nu' > < \mu'' (x'') + \nu''$, так и посредством

$$\begin{array}{l} \text{respective} \\ x' \parallel x'' \Rightarrow x', \\ x' \parallel x'' \Rightarrow x'', \end{array}$$

причем во втором случае либо x'' исчезает, а x' остается, либо, наоборот, исчезает x' , а x'' остается.

Мы видим, таким образом, что мёфистофелевское «Alles, was entsteht, ist wert, daß es zugrunde geht», полностью применимо

также к альтернативам. Но если бы однажды возникшие альтернативы погибали без всякой замены, язык в конце концов полностью лишился бы их. Поэтому ни один из периодов языковой жизни не знает абсолютного отсутствия альтернатив. Как это можно объяснить?

Мы черпаем объяснение из наших наблюдений.

Хотя возникшие ранее альтернативы, проделав ряд эволюций, в конце концов погибают, источники возникновения новых альтернатив не иссякают.

Вследствие этого имеет место непрерывающаяся работа по реконструкции альтернативных отношений, в результате которой возникают все новые слои альтернатив.

В каждом языковом состоянии происходят какие-нибудь антропофонические изменения, какие-нибудь аккомодации фонем к антропофоническим условиям, а затем результаты этих аккомодаций переходят от поколения к поколению путем традиции, передачи, пока, наконец, результаты произведенных в прошлые периоды работ не будут устранены новыми изменениями.